

Муниципальное учреждение
Централизованная библиотечная система им. Н.В. Гоголя
Новокузнецкий городской
клуб любителей фантастики
«КОНТАКТ»

Надежда Калашникова

Королевство Сердце

Сказка

Новокузнецк
2009

84(2Рос=Рус)6-4

К 17

Калашникова, Надежда Николаевна

Королевство Сердце : сказка / Надежда Калашникова ; редактор и ответственный за выпуск Калашников Н. Н. ; Муниципальное учреждение Централизованная библиотечная система им. Н. В. Гоголя ; Новокузнецкий городской клуб любителей фантастики «Контакт» . – Новокузнецк, 2009 . – 60 с., портр.

84(2Рос=Рус)6-4

© Калашникова Н. Н.



Калашникова Надежда Николаевна родилась 27 ноября 1991 года в Новокузнецке. Учится в одиннадцатом классе школы № 87. Первая публикация – сказочка «Как заяц зиму победил» в газете «Губернские ведомости» за 19 мая 2001 г.

Жили-были старик со старухой, их звали Покой и Серость. Дочка у них была, Скука. Дочка маленькая была, но родители в ней души не чаяли, и росла она не по дням, а по часам. Порядочно вымахала, только ума не прибавилось. Да оно и верно: откуда у скуки мозги. Вот выросла, значит, Скука, скучно ей стало в родительском доме. Она и говорит: «Пойду по городам и селам, людей посмотрю, себя покажу. Авось не так скучно будет». Родители пытались чадо свое отговорить, но Скуке если что в голову втемяшилось, того топором не вышибешь. Отправилась Скука странствовать.

Где её носило – неизвестно. Вот раз идет она по городской ярмарке, видит – в сторонке Дурак стоит и глаза на все пялит. И на Скуку тоже. А надо сказать, что Скука одевалась очень ярко, пестро и красилась так, что штукатурка сыпалась. Дураку это понравилось. И Скуке Дурак тоже очень приглянулся. Подошла она к нему, разговор завязали. Повел Дурак Скуку к себе. Пробыла она с ним день, пробыла она с ним ночь... А наутро опять скучно стало, простилась с Дураком и ушла – куда глаза глядят, куда ноги несут. А Дурак с той поры совсем рассудком повредился. Ходит, как неприкаянный, и всё кричит: «Скука! Скука!» Люди на него косятся, кто-то предлагает: женись, мол, всё и пройдет, вон девушка какая хорошая есть у нас, Работой зовут... Дурак только руками-ногами машет и кричит пуще прежнего.

А Скуке и горя нет, что она человека с ума свела. Год она по свету бегала, а потом воротилась к родителям и положила на кровать ребенка: «Нате, воспитывайте, а мне с ней скучно нянчиться». А родила-то Скука Дурь, ту самую дурь, что от скуки берется. По родителям она нисколько не соскучилась и тут же упорхнула, денька не погостила.

Старикам охота, что ли, с ребенком нянчиться, с Дурью мучиться? Покою, само собой, покой нужен, а от ребенка покоя не жди. А Серость всякие изменения в жизни ой как не любит. Ей надо, чтобы все было одним цветом окрашено – и никаких поворотов, никаких встрясок. Поэтому и жили они с Покоем душа в душу. И никакие внучки им на дух не нужны были.

Сели они рядить, куда девать ребенка. Утопить – а ну прознает кто, шуму не оберёшься... Покой и придумал: давай, говорит, отдадим её моей сестре, Равнодушию. У той, хоть земля тресни, один ответ: мне всё равно, меня не касается. Вот и сбегим ей девчонку, раз ей всё равно.

Решить-то они решили, да вот беда: Равнодушие от них в трех верстах живет, пешком не дойдёшь, ехать надо. Ехать – это такая морока!

Трясёшься по ухабам, ветер того и гляди шапку сорвет, а вокруг мелькает всё незнакомое... Да ещё день выдался солнечный. Покой говорит:

– Нет, не поеду я, растрясет меня по дороге.

А Серость отвечает:

– Эх ты, старый пень! Тонка у тебя кишка на великие дела. Ветерок подул – ты уже закачался. А мне всё подвластно! Ставь против меня любой цвет – я покрою его серой пылью. Я могу покорить весь мир! Я сильнее всех на свете!..

Но внезапный порыв ветра распахнул форточку, и донеслись негромкие слова: «Есть сильнее тебя...»

Серость, плюнув, захлопнула окно, схватила орущую Дурь и пошла закладывать телегу, бормоча что-то под нос. И пока она ехала, всё вокруг как-то серело, блекло; смолкали птицы, тускнели цветы и травы. Даже солнце больше не рассылало своих весёлых зайчиков, а висело в небе мутным шаром.

Наконец, приехали к Равнодушию. Она приняла незваных гостей спокойно и холодно. Когда Серость положила Дурь в угол на кучу тряпья, Равнодушие и бровью не повела.

О ребенке она совершенно не заботилась, разве бросала ей в угол пожевать чего-нибудь. Когда бросит, а когда и нет. Но Дурь, несмотря на это, живучей оказалась. Подросла и ушла от Равнодушия на улицу. Спит под забором, ходит вечно вся в синяках, платье рваное, волосы невымыты, спутаны... Смотреть страшно. Дурь, однако, о внешности своей не печалилась, умела она людей привлечь бесшабашной удалью, лёгким нравом да громкой славой. Народ за ней табунами ходил.

Время течёт незаметно, как песок сквозь пальцы. Как-то летним вечером заявилась домой Скука, постаревшая, в лохмотьях. Да не одна, а с двумя дочерьми – Тоской и Обидой-на-Весь-Свет. Вид у этих девиц – краше в гроб кладут. На Тоску глянешь и думаешь, что проще в болото окунуться. А на Обиду и вовсе смотреть страшно. Она красивая, платье в модную черно-жёлтую полосочку, но на лице такое презрение ко всему и вся!.. От подобной красавицы немудрено сбежать к дурнушке какой-нибудь, только поприветливей.

Вот какой народ пришел к Покою и Серости. Те, как-никак, дочку столько лет не видели, обрадовались. Правда, Покой что-то тихонько ворчал, но его никто не слышал. Посидели за столом, поговорили, разошлись. И потянулись дальше серые будни.

Скуке, видать, надоело по свету шататься, перешла она на оседлую жизнь. День-деньской валяется на диване, папироской дымит и в потолок поплеывает. Тоска по кабакам пошла: каждый вечер с зелёной бутылкой обнимается. Обида-на-Весь-Свет ничего не делает, ходит за околицей и плачется на свою горькую судьбинушку. И пакости соседям по ночам

устраивает. А Покой с Серостью кормят всю эту ораву да тихонько вздыхают.

Месяц проходит, год проходит... Неизвестно, сколько годов прошло. В один прекрасный день Скука спрыгнула с дивана, с хрустом потянулась и протяжно так выговорила: «Ску-учно!..» И побежала искать своих дочерей. Всех троих в дом привела, даже Дурь где-то разыскала. Позвала и Серость с Покоем. И когда все уселись, повела речь. О том, как скоротечна жизнь, о великих делах и великой славе, о красоте и богатстве стран, где ей удалось побывать. Но правят этими странами коварные властители Работа, Веселье, Надежда. Где-то живёт принцесса Любовь. А ещё есть такой вредный мальчишка, подручник этих тиранов. Зовут его Негасимый Огонёк. Говорят, на чью сторону он станет, того победить невозможно.

Надо сказать, что Скука даром красноречия владела в совершенстве и могла убедить кого угодно в чем угодно. Даже собственного папашу, уж на что он непробиваемый. Так вышло и на этот раз. А предлагала Скука ни много ни мало – захватить какое-нибудь государство, выбить оттуда самозванных тиранов и царствовать в свое удовольствие.

Идея понравилась. Собрались, значит, все и отправились в путь. Долго ли, коротко шли, видят – навстречу странница идет с котомкой. Поравнялась с ними и спрашивает:

– Кто вы такие и куда путь держите?

Обида-на-Весь-Свет отвечает:

– Ты сама сначала представься, а потом уж нас расспрашивай.

Странница усмехнулась, достала из котомки дудочку и заиграла. Полилась такая протяжная заунывная мелодия, что хоть сейчас ложись и помирай. Даже Тоска поморщилась.

Довольная произведенным впечатлением, странница спрятала дудочку и заговорила:

– Я – Уныние. Давно я хожу по свету, играю на дудочке и порабощаю людей. Они легко и с радостью мне покоряются. Но есть у меня злейшие враги – Надежда, Вера да еще проклятая черномазая Работа. Против них я ничего не могу поделать. Я сейчас иду из королевства Сердце. Может, слышали о таком? Шикарное владение. Полно, конечно, всякого сброду. Есть и приятные личности, вроде Лени да Чёрного Омута, но они способны только на мелочи. Я же ищу сильных союзников, чтобы подчинить это Сердце. А вы кто такие?

Рассказали, кто есть кто, и говорят:

– Мы идем с той же целью. Присоединяйся к нам.

Глаза Уныния засверкали.

– Ну, с таким народом я переверну это поганое Сердчишко, а там и за остальных примусь, – пробормотала она, указывая дорогу.

Пока эта честная компания направляется к границе, вынашивая наполеоновские планы, надо посмотреть, куда они так торопятся. Другими словами – узнать, что это за королевство такое.

* * *

Далеко-далеко, за синими морями, за высокими горами, за дремучим лесом раскинулось королевство Сердце. Воздух в нем привольный, луга раздольные, земли плодородные, в земле груды золота лежат.

В центре Сердца стоит замок со шпилями и куполами. Семибашенный. В главной башне живут Мечта, Надежда и Лень.

Мечта главную башню голубым цветом выкрасила. Переливается она на солнце, как волна морская. Да и сама Мечта голубое платье носит. Выйдет на балкон, полной грудью дышит, любуется на окрестности. И ею все любят. Из башни Мечта не выходит. Боятся, что обидят ее, такую красивую и беззащитную. А тут еще Лень нашептывает:

– Ты не создана для толпы, она не поймет тебя, растопчет; изломаешь ты белы ручки; нечего тебе там делать.

Мечта послушает, повздыхает, да так и сидит на одном месте. Бывает, такая тоска на нее найдет, что с балкона впору бросаться. И бросилась бы, если бы не Надежда. Та взглянет, улыбнется – и легче станет, жить дальше можно. Надежда – удивительное существо. Юная и прекрасная, а волосы совершенно седые. Мечта как-то спросила, почему так? И почему бы ей не покраситься? Надежда ответила:

– Я живу дольше всех, умираю последней. На моих глазах умирают друзья, а я даже не плачу. Я по-прежнему улыбаюсь и обещаю свет. А боль выливается вот во что, – и провела рукой по волосам. – И нет на земле такой краски, которая бы могла скрыть её.

Мечта в ответ только глазами хлопала.

Главную башню хороводом окружили шесть башенок поменьше. В каждой из них – по жильцу. Вот в зелёной башне обустроился задорный мальчуган Юмор. Этого дома не застанешь, дни напролет где-то пропадает, потом опять объявляется.

Рядом с Юмором проживает Великий Скептик. Великим его прозвали за то, что носит кольчугу и до ушей увешан оружием. Правда, в ход не пускает – и то ладно. Хватит и того, что язвит всё и всех подряд. Больше всего Великий Скептик придирается к Романтике – и платье на ней легкомысленное, и характер вредный, и жилье свое умудрилась в розовый цвет выкрасить, весь вид портит. Свою-то башню Скептик укреплял, будто не сегодня-завтра враги нагрянут. Железом обил, на дверь замок с «секретом» навесил. Мало того – пушку откуда-то приволок, в башню загнал и дуло наружу выставил. В помещении места живого не осталось, так что спал Скептик на полу, съёжившись. А во сне ему снилась Романтика...

А Романтика завела ручного голубя и жалуется ему (а заодно и всем обитателям замка), какой козёл этот Великий, не дает ей жить, прямо-таки душит. Ночами же, едва ложилась Романтика на свою кружевную постель, снился ей Скептик. Злилась Романтика на саму себя, да ничего не могла поделать.

В одной из башенок окопался Страх. Скрюченный старикашка, он старается не попадаться никому на глаза, а исподтишка строит всякие козни. Башню свою он даже не красил, так она и стоит вся обшарпанная, с отбитыми кирпичами.

Живет в замке и девочка Любовь. Маленькая она ещё, необстрелянная. Любит спецэффекты. Вот и башню свою красной сделала, за версту горит, как огнем. Кстати, у Любви есть любопытное свойство, как у хамелеона. У неё волосы меняют цвет под настроение. И становится Любовь то ангелочком белокурый, то рыжей зеленоглазой ведьмой – даром что ей пять годочков на вид.

Последнюю башню занимает Упрямство. Это очень своенравная дама. Дашь ей палец – до плеча руку отхватит и скажет: «Мало!» Ругается, как извозчик, и гоняет на лошадях, рискуя свернуть себе шею.

Чуть в стороне от замка стоит сторожевая башня с вышкой. Там живет стражник – Совесть. С высоты ей всё как на ладони видно. И стала замечать Совесть, что дела в королевстве в упадок приходят. Весной сеять пора – сеятели отмахиваются: «А! Успеем! Времени еще много!» Боронить, пахать надо – пахари дрыхнут до обеда, потом глаза продерут, наедятся прошлогодних запасов и дальше спать завалятся. В замке неделями ничего не убирается – пыль, сор, пауки в углах, тараканы бегают... Все жалуется друг другу: «Ах, какой бардак! Какой ужас! За что нам это наказание!» Вскоре обвинять один другого принялись. Да еще такими словами, что цветы в горшках окончательно завяли. Они и так-то усохшие были, не поливал никто. А ругань нежные цветы добила хуже засухи.

Ладно бы только ругались, а то до драки дошло: Мечта вцепилась Романтике в волосы и орет не своим голосом: «Это ты довела нас до такого состояния. Я хоть не лезу, когда меня не спрашивают! А ты только обещать мастерица! Все беды от Романтики!» Позади прыгает Страх; он схватил свой цыганский бубен и выбивает звучную дробь в такт воплям Мечты. Надежда подбежала к дерущимся, хотела разнять – а Мечта ка-ак заедет ей локтем в нос! Надежда где стояла, там и села. Любовь смотрит на все это безобразие, глазёнками захлопала, побледнела – и в обморок. Совесть кричит с вышки в рупор: «Прекратите!» Куда там! Как раз еще Упрямство домой возвращалось на лихом коне. А тут еще Скептик зарядил свою пушку да как шархнет в воздух! Лошадь понесла, кого-то сшибла, Любовь чуть не растоптала... В общем, когда все маленько

очухались и Юмор привел Любовь в чувство, никто не мог вспомнить, с чего всё началось. Пока Совесть (ей по долгу службы полагалось всё замечать и соображать быстрее других) не проговорила: «А где Лень?»

В ответ из главной башни донесся издевательский хохот. Лень стояла на балконе, уперев руки в бока, и от души наслаждалась происходящим.

Совесть выпрямилась и крикнула:

– Это твои проделки! Ты давно Сердце расшатываешь! Убирайся!

Лень хохочет пуще прежнего. Наконец, отсмеявшись, дала такую отповедь:

– Ты, Совесть, глотку зря не дери, ступай на свою вышку и сиди там, как мышка в норке. Руки у тебя короткие – меня выгнать. А вы, остальные, мне сослужили неплохую службу. Будете паиньками, ещё сослужите.

– Не будем мы паиньками! – выкрикнула Упрямство.

– Ты, Упрямство, хочешь со мной силой помериться? – вкрадчиво спросила Лень.

Упрямство как-то сразу скисла и ничего не ответила.

Вскоре после того случая объявился в Сердце очень важный господин, красивый как чёрт. Звали его Чёрным Омутом. Кто такой? Что ему надо в Сердце? Никто не знал. Поговаривали, что настоящее его имя в строгом секрете, что сам он... Но стоит ли передавать досужие толки? Достаточно сказать, что Чёрный Омут женился на Лени, завел себе любовницу – Мечту – и стал править балом во всем королевстве.

Любил он шиковать. Что ни день – то пирушка да попойка. Все запасы в королевстве уничтожили, откуда новые берут – неизвестно. В замке шаром покати, жильцы ходят и зубами клацают, как волки зимой. А в главной башне каждый день веселье. Вино рекой, закуски всякие из окон швыряют от нечего делать. Потом музыка начинается, и Мечта прямо на столе танцует. Лень возлежит на кровати и в ладоши такт отбивает. А чуть погода Черный Омут спихивает Лень с кровати и сам её занимает. С Мечтой вместе.

Надежда не выдержала – убежала из главной башни. Походила-походила – куда бы приткнуться? Слышит: зовет её Романтика к себе. Обрадовалась Надежда. Поднялась к Романтике, сели они рядышком и заплакали навзрыд. А потом давай утешать друг друга: мол, будет и на нашей улице праздник, только надейся и жди.

Тут скрипнула дверь, и вошел Скептик. С минуту он молча стоял, а потом высказался:

– Может быть, уважаемые дамы скажут, чего именно они ждут и на что надеются? Рыцари без страха и упрека давно перевелись. А если даже и остались, то уверяю вас, от них хлопот ещё больше, чем мы сейчас имеем. Между прочим, у нас уже не королевство, а проходной двор. Я на

той неделе встретил Совесть; она в трауре: мол, какой я паршивый стражник. А сегодня захожу – Совесть в дупель пьяная и спит мертвецким сном. Остались мы без стражника, а вы тут о всяких праздниках...

– Хоть со стражником, хоть без него – хуже всё равно уже быть не может, – возразила Романтика.

– Девочка моя, поверь, что может...

– Я тебе не девочка! – взвилась Романтика, почему-то краснея. – Убирайся живей из моего дома, пока я с лестницы тебя не спустила!

Скептик, усмехнувшись, вышел. Едва он захлопнул дверь, как услышал грохот и звон осколков. Это Романтика метнула ему вслед ни в чем не повинный глиняный кувшин. Что это кувшин, а не тарелка какая-нибудь – Скептик, конечно, знать не мог. Однако мелодичный звон разбиваемой посуды звенел у него в ушах весь день. И как ни тряс Скептик головой, как ни старался его прогнать – ничего не получалось.

– Мы пришли. Здесь граница, – Уныние бросила котомку на землю.

– И никто не охраняет? – протянула Скука.

– Охрана внутри. Совесть, будь она трижды проклята...

– А мне не страшна никакая Совесть, – сказала Серость. – Она меня просто не увидит. Я пойду первой.

Серость пошла по королевству, с любопытством оглядываясь. Но очень быстро любопытство сменилось недовольством. Слишком ярким и разнообразным было Сердце, по мнению Серости. «Ну ничего, я быстро наведу здесь свои порядки», – пробормотала она, подбираясь к замку.

Обошла все башни, поглядела, кто где живет, и направилась в главную. Там гулянье в самом разгаре. Но едва Серость переступила порог, как Чёрный Омут мигом развернулся к двери и спросил:

– Ты кто и что тебе здесь надо?

– А ты лихой парень. Я всё Сердце обошла, никто не заметил. А ты – сразу... Не зря, видать, в главной башне живешь. Я – Серость, великая и могущественная. А ты кто такой?

Чёрный Омут в ответ усмехнулся:

– Чёрным Омутом здесь меня кличут, и ты зови также. А не хочешь ли, Серость, заключить со мной дружественный союз? Я бы от такой помощницы не отказался.

– Я согласна.

– По рукам!

Так и осталась Серость жить в главной башне.

Следующим в Сердце отправился Покой. Шел, опираясь на батожок, часто останавливался и говорил сам себе: «Вот доберусь до теплого

жилья, лягу на перинку и трубочку закурю. И главное – ни о чем не думать. Вот благодать-то!»

Дорога Покою попалась какая-то неровная. В колдобинах да ухабах, булыжники там и сям валяются. Обругал Покой нерадивых строителей и сошел с дороги. По мягкой травушке пойти решил. Да не тут-то было: сделал два шага – запнулся о корень и полетел вверх тормашками.

– Да что же это такое на свете детсяя! – причитал старик, поднимаясь и отряхиваясь. – Вот уже замок видно, а в нём непременно перинка пуховая должна быть. Да не одна. Надо добираться...

Не успел он договорить, как земля под ногами заколыхалась. Землетрясение началось. Покою подхватило, швырнуло, перевернуло и наполовину засыпало землёй и всяким хламом.

– Ой-ой-ой! Прекратите! Я... это... ухажу! Не пойду в замок!

Землетрясение остановилось. Покой еле выбрался из завала. «Видно, чуёт меня Сердце и пускать не хочет, – догадался Покой. – Пойду-ка я лучше куда-нибудь на окраину, найду маленький домишко и буду тихо жить-поживать. А тут, в центре, беспокойно слишком».

Так он и сделал. И зажил припеваючи.

Вразвалочку, вперевалочку двинулась в путь Скука. Заглянула в маленький неприметный домик – и увидела своего отца.

– Слушай, папа, ты чего здесь делаешь?

– Живу. Мне тут, понимаешь, хорошо, спокойно. Тепло, сухо, никто не мешает. Соседки сердобольные еду приносят. Лежу да покуриваю. Что старику еще надо? Кстати, затануться не желаешь?

Скука с наслаждением сделала пару затяжек и вернула трубку.

– Ну что это за жизнь – курить да валяться. Скучно. Я лучше в замок пойду. В замках, говорят, постоянно борьба идет не на живот, а на смерть.

– Борьба... Ой, слово-то какое сказала ты, доченька! – закашлялся Покой. – Да зачем она нужна-то? Это ж верная смерть!

– Ха! Смерть... Мы бессмертны. А зачем нужно вообще все на свете? Чтоб со скуки не подохнуть. И борьба затем же.

– Не ходила бы ты в замок, доченька...

Скука взвилась, будто ее кипятком ошпарили.

– Не ходила бы?! Это на кой же тогда ляд мы сюда топали? Сам трус и других такими же хочет сделать. Я никого и ничего не боюсь! – С этими словами Скука выбежала из дома, хлопнув на прощание дверь. Да так, что с крыши солома посыпалась.

Идет Скука по дороге и видит – маленькая, худенькая, оборванная фигурка навстречу. И вокруг никого. Остановилась Скука и спрашивает:

– Девочка, как тебя зовут? И почему ты совсем одна? Такой маленькой нельзя гулять одной.

– Меня зовут Любовь. А одна я, потому что у меня совсем не осталось друзей. Раньше... раньше так хорошо было... – и Любовь разревалась.

Скука обняла ее, а у самой на уме: «Так вот, оказывается, какая Любовь! Я много о ней слышала. Но она так мала и наивна, что не может быть серьезной соперницей. И всё-таки её надо устранить».

Любовь между тем кое-как успокоилась и рассказывала:

– Мы живем в большом красивом замке. Вернее, он раньше был красивый. Нам было весело жить. По вечерам мы собирались во дворе, разводили костер. Мечта танцевала, Романтика пела, Юмор шутил и показывал всякие трюки и фокусы. Упрямство рассказывала истории о смелых людях. А Надежда и Скептик играли в шахматы, Надежда – белыми, а Скептик – черными. И мы разделялись на два лагеря и болели за них. И Совесть заглядывала к нам на огонек. Даже когда Страх делал нам всякие пакости, мы не обижались, только смеялись. Со мной все тогда играли и дружили. И было что покушать. Тогда Лень была маленькая. А потом она выросла, стало так плохо, так плохо! Все стали ссориться, ругаться. Уже костер никто не зажигал и вместе не собирался. И стало нечего есть. А потом, – Любовь зашмыгала носом, – потом пришёл Чёрный Омут. Я его боюсь. Он такой красивый, а по правде – страшный. Они теперь каждый день в главной башне пируют, а кто с ними не хочет – те голодные. И я теперь совсем одна, и мне кажется, я скоро умру. Тетя, ты нам помочь не можешь?

Скука погладила Любовь по голове:

– Бедная маленькая девочка! Ты, видно, совсем ничего не знаешь о жизни. Все ваши песни и пляски ровным счетом ничего не стоят. Они наводят скуку.

– Нет, нет! Нам тогда не было скучно!

– А если вам не было скучно, что же вы всё забросили? – вкрадчивым голосом спросила Скука.

– Да я же говорю: это всё Лень и Чёр... – Любовь вдруг зевнула. – Мне скучно. Фу, почему ты такая противная, тетя? – Любовь отвернулась, с треском зевнула еще раз, зашаталась и свалилась в траву.

– Вот и отлично, – проговорила Скука. – Всё, что надо, я узнала, а девчонка будет спать долго. На наш век хватит.

В замке Скука погрызлась со своей матерью и Чёрным Омуту за право главенствовать, нашла поддержку в лице Лени и быстренько добилась своего.

Не успели обитатели главной башни договориться – слышат: во дворе какой-то шум, гам, крики, визг, хохот... Выглянули в окно – а это Дурь вокруг себя весь замок собрала и рассказывает какую-то историю. Похоже, ужасно смешную, потому что все от смеха по земле катаются и

визжат, как поросята под ножом. Мечта увидела: «Я к ним хочу!» – окошко распахнула да как сиганет! Ушибла левую ногу и чуть пониже спины. Однако чары Дури оказались сильнее, и Мечта принялась хохотать вместе со всеми.

Оставшаяся четверка переглянулась. Чёрный Омут захлопнул окно и сказал:

– Интересная дамочка. С её помощью можно много сделать.

Скука фыркнула:

– Интересная! У нее папаша полоумный был, вот и...

– Пока дураки кривляются, умные люди за их спиной проворачивают большие дела.

– А мы тут все умные люди, не правда ли? – добавила Лень со своего ложа и ухмыльнулась.

– Давайте заключим союз, – проговорила Серость. – Всегда и везде работать друг на дружку. Тогда мы будем непобедимы.

– Работать! – физиономия Лени скривилась, будто она проглотила лимон с солью.

Скука повторно фыркнула и покосилась на мать.

– То не хотела власть делить, то в союз зовет... Разберешь тебя днём с фонарём!

– А что, – задумчиво протянул Чёрный Омут, – это идея. Каждый сам по себе, конечно, очень силен, но что будет, если объединиться!.. А то грызёмся, как пауки в банке. Этак нас враги поодиночке ухлопают.

– Скажешь тоже: враги! В этом королевстве нет ни одного серьёзного противника, – сказала Скука.

Лень тут же откликнулась:

– О, да! Уж я об этом позаботилась. Работы (при этом имени Лень опять сморщилась) в наших краях отродясь не бывало. А эти обормоты... Ну что они могут сделать? Им лень даже думать. Есть, правда, один вредный тип – Почемучка. Ему не лень задавать всякие дурацкие вопросы. Только и слышишь: «почему», «зачем», «как», «а это что, это для чего». Пренеприятнейшая личность. Но он снимает какую-то хибару на окраине, сюда он не сунется.

– На окраине? – переспросила Скука. – Там же Покой поселился. Надо будет найти Почемучку и свести с ним, вот будет умора.

– С ума, что ли, сошла? – зашипела Серость. – Всё испортишь!

– С каких это пор мне стали рот затыкать? Ты, мать, забыла, кто вас сюда привел? Не я – так бы и сидела в своей развалюхе. А тут надо же – понравилось...

Серость уже приготовилась метать громы и молнии, но Чёрный Омут встал между ними и проговорил:

– Брейк, девочки. Предлагаю немедленно заключить союз четырех и никогда не расставаться. И не ссориться, – добавил он чуть погодя.

– Ладно. Согласна, – пробурчала Серость.

Пока суд да дело, шум во дворе поутих. Дверь отворилась, и в башню вошла, нет, ввалилась Мечта.

– Чёрный Омут! – простонала она. – Спаси меня! Там пришла зелёная тетка, она всем дает пить какое-то зелье, от него так паршиво! А-а-а!..

– А зачем ты пила? – спросил Чёрный, скрестив руки на груди.

– Так все пили, и я... Ой, не могу, мне плохо. Щас рыгать буду! Спасите!

– Хороша, однако, у меня дочка, – прищурилась Скука, глядя на Мечту.

– Я не дочка! Я ночка, квочка, – язык у Мечты окончательно заплёлся. Она еле стояла на ногах.

– Дура ты набитая! – не выдержала Серость. – Это Тоска тебя напоила. Ей вон дочка, – махнула на Скуку, – а мне внучка. Поняла, красотка?

Пожалуй, красоткой Мечту назвать было трудно. Мятое грязное платье, мутный взгляд, хватание за стенку... Чёрный плюнул и выбежал из башни.

Слышит: за углом крики и вопли. Ругнулся, выбежал за угол и видит такую декорацию: весь двор залит чем-то тягучим и зелёным, как болотная жижа, валяется пустая бочка, рядом с ней валяется Юмор, Романтика идет по стеночке, а посреди двора тузят друг друга Тоска и Дурь. И орут дурными голосами:

– Красный!

– Зелёный!

– Красный!

– Зелёный! Зелёный, и точка!

– Я сказала – красный!

Чёрный Омут сначала полюбовался на них, потом расшвырял в разные стороны и спрашивает:

– Это у вас от зелья чердаки поехали или по другому поводу?

Дурь, утирая кровавые сопли, завершала:

– Я хочу жить вот в этой красной башенке, а эта жаба хочет ее зелёной сделать, плесень навести. Не допущу!

Тоска в ответ:

– У меня от твоего красного зубы ноют. Я тоже хочу здесь жить.

Чёрный улыбнулся:

– У нас уже есть зелёная башня. Бывшее вон его, – кивнул на Юмор, – жильё. Пойдем, провожу.

Взял Тоску под руку и удалился. Надолго.

Где-то часа через два Юмор прочухался, кое-как поднялся и – по стеночке – пошел домой. Приходит – что за юмор! Башенка была весёлого зелёного цвета, а теперь будто в болото окунули. Скоро лягушки заквакают. А из башни чьи-то голоса доносятся.

Юмор послушал с полминуты, ругнулся, пошутил сам над собой и пошел, куда глаза глядят. Идёт и встречает Романтику. А та взволнованная такая:

– Юмор, ты Любовь случайно не видел?

– Нет. Давно уже.

– А вдруг с ней что-нибудь нехорошее случилось?

– Ну посуди сама, Романтика: что может случиться с Любовью?

– Но она ещё такая маленькая...

Юмору внезапно передалась тревога Романтики.

– А ведь, и правда, я давно ее не встречал. Почти с того дня, как пришла Скука.

Романтика подняла сухую веточку и помахала ею. Прилетел белый голубок и сел на руку.

– Тебе сверху всё видно. Подскажи – куда пропала Любовь? – прошептала она птице.

Голубок заворковал и полетел, как бы приглашая следовать за собой.

Романтика и Юмор пошли за ним. Шли, шли и увидели Любовь; она лежала на траве и поначалу показалась им мертвой. Но Юмор потрогал пульс, послушал сердце и вздохнул:

– Это просто глубокий сон. Но настолько глубокий, что нам её не разбудить. И никто из наших не разбудит.

– Её надо отнести в замок. Нельзя же её здесь оставлять.

– А куда мы её денем? Мою башню заняла Тоска с Чёрным. А где Любовь жила, там Дурь поселилась. И вообще – как бы ей там чего плохого не сделали, – озабоченно сказал Юмор.

– Ты же сам говорил, что с Любовью ничего случиться не может.

– В нашем замке всё может...

– Ну, хватит сопли разводить! Юмор называется! Бери ребенка и пошли! В моей башне уложим. В случае чего – Скептика кликнем. Он им покажет...

– Ну чего твой Скептик показать может? Фигу в кармане?

– Ничего он не мой, и сам ты фигу без кармана, – непонятно с чего обиделась Романтика и убежала на десять шагов вперед.

Юмор пожал плечами, глядя вслед Романтике. Затем бережно взял Любовь на руки и понёс. Какая же она была бледная и грустная! Грусть застыла на детском личике, и трудно сказать, шло ему это выражение или нет.

Чудом успел Юмор донести Любовь и спрятать в башне Романтики. Припожаловала в королевство важная персона – Обида-на-Весь-Свет. Зырк-зырк глазами туда-сюда. Зашла в гости к Страху.

– Ты кто?

– Страх. А ты?

– Обида-на-Весь-Свет. Слугой моим будешь!

Страх попытался обидеться:

– Мы все свободные граждане, а тут...

– Заткнись! – перебила Обида. – Ненавижу свободу. Да и ты такой же, иначе не забивался бы в темную нору. Так что давай по-хорошему.

– Согласен, согласен, – угодливо забежал Страх.

– Для начала сядь, заткнись и расскажи мне, кто тут есть кто. Только про моих родичей не надо. Я их до печёнок знаю.

– Ну... тут живу я, потом Чёрный Омут, Мечта, Лень... Романтика, Юмор, Упрямство, Надежда и Любовь.

– Что?! – Обида вскочила, опрокинув стул. – Любовь?!

– Успокойтесь, госпожа, успокойтесь, – лепетал Страх. – Я видел, как Юмор нес её спящую. Она спит вечным сном и никогда не проснется.

– Спящая – это хорошо... Я бы предпочла видеть её мёртвую, но раз она спит, то нет проблем. А вот с Юмором надо разобраться. – Обида вышла, даже не прикрыв за собой дверь.

Юмор в это время прохаживался по двору, думая, куда бы приткнуться. Вдруг, словно из-под земли, выросла перед ним незнакомка и спрашивает:

– Ты Юмор?

– Да. А...

– А я Обида-на-Весь-Свет. А два козла на узкой тропинке не разойдутся. Убирайся.

– Это еще почему?

– Ты еще задаешь вопросы? – Обида глянула Юмору прямо в глаза. Холод пробрался не только в душу, но и в пятки. Что тут сделаешь? Развернулся Юмор и пошел, куда глаза глядят. «Зато не надо голову ломать, где поселиться, – размышлял он. – Лучше уж под открытым небом ночевать, чем в этом гадючнике. Только Любовь жалко. Проснется ли она когда-нибудь? Какой такой принц разбудит нашу спящую красавицу? Эх, мне это не по силам, а жаль».

Юмор свернул с дороги и забрёл в лес. Потому и не видел и не слышал, с каким торжеством шествовала по завоёванному королевству Уныние. Заслышав её музыку, народ разбежался, затыкал уши, зарывался в подушки и в землю. Но всё было напрасно: похоронная мелодия проникала под череп и разъедала мозг, замедляла ход сердца.

В замок Уныние не пошла. Разбила под деревом палатку, лежит, на дудочке поигрывает. Чего-то вроде не хватает. Скука ее курить научила. А вскоре они нашли какую-то травку с беленькими цветочками, стали заваривать и пить. Выпьешь – и так хорошо... До вечера. А потом опять выпить хочется...

Как-то они показали эти цветочки Чёрному Омуту. Он посмотрел и говорит:

– Такие штуки называют наркотиками. Я сам люблю этим делом баловаться, только у меня они поинтересней. – Достал из кармана по конфете и протянул Скуке и Унынию.

Те съели, в голос заорали:

– Давай ещё!

Чёрный смеется:

– Больше не дам. Со второго раза привыкнете смертно. А я предпочитаю сам их лопать и ни с кем не делиться.

– Жмот!

– Да, я эгоист, – с достоинством подтвердил тот, – но чья бы корова мычала...

– Это я-то эгоистка? – завопила Уныние. – Да я всей душой!.. Да я вас сюда привела! Да...

– погоди, Уныние, – перебила Скука. – Чёрный, ты лучше скажи, откуда ты каждый раз берёшь жратву и всякие побрякушки для Мечты. У нас ведь никто ничего не делает, жрут, что найдут, и ходят в репье. А ты Мечту как куколку наряжаешь, и брюхо до отвала набить можно. И сам ты такой обворожительный, что я прямо не знаю... – последнюю фразу Скука чуть ли не промурлыкала.

– Что важнее всего в жизни? Вкусная еда, красивая внешность и приятное времяпровождение, – ответил Чёрный, обнимая Скуку за талию. – А каким способом это добывается – не так уж важно. – Скука, ты грибы собирать любишь? – спросил он внезапно.

– А?.. Ты о чем? – встрепенулась Скука.

– Я говорю, грибы любишь собирать? А то я недавно грибную полянку нашёл. Да пойдём, покажу.

Уныние мрачно усмехнулась вслед уходящей парочке.

– Грибы... Видала я ваши грибы в гробу в белых тапочках... Всё-таки неправ Чёрный, что главное – жратва и удовольствия. Главное – сила! Власть! Когда перед тобой бессильны тысячи! Вот это я понимаю!!!

Живет на свете такой непоседливый мальчишка – Негасимый Огонёк. Как все мальчишки, обожает приключения и путешествия. Но в отличие от большинства, на чью долю выпадают лишь мечты да вздохи,

Огонёк действительно кочует с места на место. И уж где побывает – там его не скоро забудут.

Вот как-то раз шёл Огонёк, шёл, по сторонам глядел, песенку насвистывал. А чего, спрашивается, не насвистывать? Денёк славный выдался: солнце светит, а если облака его и скроют – так зато ветерок подует. А ветер Огонёк любил едва ли не больше солнца.

Вдруг видит Огонёк: идёт ему навстречу какая-то девушка, да идёт так, что того и гляди свалится. Вовсе остановилась, стоит, качается, воздух ртом хватает. Огонёк подбежал к ней, уложил на траву, напоил из походной фляжки. Девушка очнулась и застонала.

– Кто ты? Что с тобой? Как ты здесь очутилась? – спрашивает Огонёк, а сам смотрит на нее и дивится: девушка вроде юная, а волосы совсем седые. «Может, не надо было спрашивать? – думает он. – Может, у неё какое-нибудь горе?»

– Я не могу больше так жить, – прошептала девушка и закрыла глаза. Но тут же снова открыла.

– Я знаю, мне нельзя расслабляться, ведь я Надежда... Но я, правда, не могу больше находиться там, – и она слабо махнула рукой куда-то. – Я жила в Сердце – это королевство наше, – но там начался ад, и я не выдержала... Я сбежала...

– Так ты Надежда? Что бы у вас ни случилось, раз ты жива – еще не всё потеряно, ведь надежда умирает последней.

– Да, я жива, но я не там, где должна быть... И вообще от меня нет никакого толку. Как и от всех наших... Я хотела найти Веру и Работу, но я не знаю, где их искать. Кстати, ты сам-то кто такой?

– Негасимый Огонёк.

– Правда? – воскликнула Надежда и схватила его за руку. – Это о тебе ходят легенды, что ты непобедимый?

– Мало ли каких легенд ходит, – проворчал Огонёк. Не любил он излишнюю знаменитость.

– Нет, правда! Я пошла искать кого-нибудь, кто мог бы нам помочь, а тебя встретить я и не надеялась. Помогите нам, пожалуйста! У нас... у нас... – Надежда опять начала задыхаться.

– Да прекрати ты нервничать и расскажи толком, что там у вас стряслось?

Надежда внезапно успокоилась и заговорила коротко и быстро, словно топором рубила:

– Государство на грани развала. Нечего есть. Нечего одеть. Стражи нет. Борьба некому, да никто и не умеет. Нас оккупировали Лень, Уныние, Серость. И еще разный сброд.

– Что ж вы позволили оккупировать себя разному сброду? – усмехнулся Огонёк.

– Как-то так вышло... Вначале думали – ладно, авось пройдет, а потом поздно было... Мы ж ни бороться, ни работать не умеем...

– А вы говорите побольше: «мы не умеем да мы не знаем». Думаешь, я умею? Или Вера и близняшки, к которым ты собралась? Просто мы не разводим ерунды, а смотрим, как что лучше сделать – и делаем. Не боги горшки-то обжигают...

Надежда промолчала. Потом, чтобы хоть что-то сказать, спросила:

– А что это за близняшки?

– Работа и Веселье, – Огонёк улыбнулся. – Вообще-то они не сёстры, даже внешне не похожи. Но друг без дружки прожить не могут, всегда вместе ходят. Вот их и прозвали так.

– А ты их знаешь?

– А как же! Давние друзья... Не одно дело вместе проворачивали...

– Ой, Огонёк, скажи, где их искать, а то нам без них не справиться...

– Да вы и не пробовали, – проворчал он. – Кстати, кому это «нам»?

От чьего имени ты говоришь?

– Нас мало осталось: Романтика, Скептик, Упрямство непонятно за кого, Юмор выгнали, Любовь усыпили...

– В смысле – усыпили? – спросил Огонёк, чувствуя непонятное волнение.

– Ну, не знаю, спит и всё. Разбудить её кто-то должен. Кто-то пришлый, не из наших... – и Надежда как-то странно взглянула на мальчишку. Тот отвернулся, зачем-то стал поправлять шнурок на ботинке. Но очень быстро это занятие ему надоело.

– В общем, я гляжу, с вами каши не сварить. Надо самому порядок наводить. Значит, давай говори, в какой стороне ваше Сердце, а Работу и прочих ищи там-то и там-то. И долго не затягивай, а то один в поле, знаешь, плохой воин...

Добрался Огонёк до Сердца, идет и дивится на царящее запустение. Бурьян, репей, дома облезлые, крыши прохудились, плетни покосились. «Работа, милая, как же тебя здесь не хватает», – думает Огонёк.

А вот один домик очень даже приличный с виду. И дымок из трубы идет.

– Так, а здесь, похоже, жильём пахнет, – пробормотал Огонёк. Сам-то он был вечным бродягой, не знал ни дома своего, ни родни, но уютные домики очень любил. Правда, дольше суток в них не задерживался.

Постучал в дверь – не заперто. Зашёл. Печка топится, койка с кучей перин, одеял и подушек. Дым табачный коромыслом. Пахнет чем-то пригорелым. И сквозь дым угадываются две фигуры – одна на койке, другая у печи.

– Люди добрые! – проговорил Огонек. – А нет ли у вас, чем накормить усталого путника?

– А ты еще кто такой? – заверещала фигура у печки. С ухватом в руках подскочила к Огоньку и начала бесцеремонно его разглядывать. – Да ты рыжий! А ну убирайся!

– Я-то рыжий, а вы каковские?

– Кто там опять воду мутит? – донеслось с перин. – Опять этот проклятый Почемучка? Привычка, гони его в шею!

– Ты, Покой, лежи да помалкивай! – сверкнула глазами Привычка, маленькая верткая бабёнка неопределённых лет. – Я сама разберусь, что мне делать!

Огонёк попытался разглядеть Покоя, но сквозь дым это не удалось.

– Сударь Покой, – сказал он, оставив бесплодные попытки, – позвольте представиться: я Негасимый Огонёк, направляюсь в это королевство, и скоро здесь небу станет жарко, а покоя не будет даже в вашей хижине. Мое дело предупредить, а вам решать, можно ли здесь оставаться.

С этими словами Огонёк вышел из дома, и тут его пробил ужасный кашель. Аж пополам согнул. «Позднее зажигание», – подумал он.

Наконец кашель прекратился, и Огонёк пошел дальше, нимало не забывая о том, что делалось после его ухода.

А там началось смятение. Покой даже встал с кровати, что случилось лишь в исключительных случаях. Встал и заходил по комнате, а потом сказал Привычке:

– Мне что-то надоело здесь. То дочь что-нибудь отчебучит, то Юмор нос свой сунет. Почемучка меня чуть в гроб не вколотил... А про Негасимого я слышал. Уж если он сюда притащился, то мне уносить ноги надо. Мы вместе не уживёмся.

– Куда ты пойдешь? – возразила Привычка. – Я тоже про Огонька слышала, но это все трепотня. Он один, а наших в замке куча. Они его сгноят.

– Ох, не верю я... Не дастся он так просто. А помнишь пословицу: если один бросил вызов многим – он уже не один? Эдак у него еще союзнички найдутся...

– Какие еще союзнички?! – завизжала Привычка. – С ума ты сошел, что ли? Откуда?

– Мало ли... Помяни мое слово – добром это не кончится. Покоя тут не жди... Пойду-ка я искать по свету спокойный уголок.

– Может, тебе еще карету подать? – язвительно прошипела Привычка. – Для удобства поисков?

– Что за дурацкие шутки! – отмахнулся Покой. – Я не переносю езды.

С этими словами Покой, вздыхая, взял из угла посох, распрощался с Привычкой, которая обслуживала его в последнее время, и пошёл куда подальше от такого беспокойного Сердца.

А Привычка долго еще пряталась по оврагам и задворкам, ночевала под чужими заборами. Живучая оказалась баба и вредная до ужаса. Столько пакостей жителям понаделала! Кто-то в отместку спалил ее дом. Ненадолго это охладило привычкин пыл. А потом опять за старое. И когда случались у жителей какие неурядицы, смущенно говорили: «Вишь ты, опять Привычка куролесит».

Долго ли, коротко ли – шел Негасимый Огонёк и, наконец, подобрался к замку. Вдруг послышалась откуда-то музыка, да такая замогильная, что зелёная трава под ногами серой сделалась. Огонёк поморщился и пошёл на звук.

Видит: из куска холстины сделана палатка, под ней лежит кто-то в хламиде и на дудочке наигрывает, да так самозабвенно, что и на подошедшего внимания не обращает. Наконец, этот кто-то перестал играть и вопрошает грозным голосом:

– Почему не трепещешь?

Огонёк ошалел маленько. Надо сказать, музыка здорово на нервы действовала. Головой тряхнул и в свою очередь спрашивает:

– А с чего бы мне трепетать? Я вроде не рубаха на веревке.

– Как ты смеешь со мной так разговаривать, дерзкий мальчишка! Да ведомо ли тебе, что я – Уныние, владычица сего королевства, а в недалёком будущем – всего мира? Мне подчиняются, меня боятся, передо мною трепещут.

– Приветствую владычицу миров, – не удержался Огонёк от издевательского поклона. – Правда, в число Ваших подданных входит не собираюсь. Кстати, если ваш титул так высок, почему вы не занимаете полагающиеся вам апартаменты? – и он указал на замок.

Уныние с достоинством выпрямилась.

– Потому что считаю, что настоящая власть не нуждается в игрушках вроде парчи и золота. Если ты имеешь силу и власть над людскими душами, они пойдут в огонь и воду по одному твоему слову. А мне и слов не требуется, – усмехнулась она и повертела в руках дудочку.

– А зачем? – после некоторого молчания спросил Огонёк.

– Что – зачем?

– Ну, власть вот эта...

Уныние что-то недоумевающее возражала, но Огонёк не слушал. Он вспоминал людей, готовых за него не то что в огонь и воду, а и куда похуже... И просить их не надо было даже одним словом.

«Это получается, у меня над ними тоже власть, как Уныние говорит? Вот уж чего меньше всего хотел бы. Или власть разная бывает? Нет, на

«добрых» правителей я успел насмотреться... Или это нельзя называть властью – это просто дружба, любовь...» При слове... вернее, при мысли «любовь» все остальное мигом улетучилось из рыжей головы.

– Слушай, Уныние, – довольно невежливо перебил он, – в этом замке, говорят, принцесса какая-то есть спящая, Любовью зовут... Ты не знаешь, где именно?

Уныние пренебрежительно глянула на Огонька.

– Ты, часом, не будить ли ее собрался? Бесполезно. А если и разбудишь – она снова коньки откинёт, не выдержит нашего окружения. Нежненькая девочка слишком...

– Вот погоди, придут сюда Работа с Весельем, ты по другому запоешь.

– Что?! – Уныние подскочила как ужаленная. – Эти распроклятые самозванки придут отбирать мою кровь заработанную власть?! Не бывать этому!

– Вряд ли ты ее зарабатывала такой уж кровью, – усмехнулся рыжий. – Ладно, я пошел.

– Эй! – крикнула вдогонку Уныние. – Кто ты есть-то?

Огонёк обернулся и, сложив руки рупором, прокричал, кто он есть такой. Отчего Уныние скривила физиономию как от горькой редьки. Но, поразмыслив, успокоилась:

– Даже если эти стервы сюда заявятся, их никто не признает, все привыкли ко мне. – С этими словами Уныние достала трубку и принялась пускать колечки.

Надо сказать, что встреча Уныния с Огоньком не прошла незамеченной. Проще говоря, на балконе главной башни сидела Мечта и следила за Огоньком, как ребенок за погремушкой. Она, конечно, ничего не слышала, кроме двух последних реплик, но ей этого было достаточно.

Тяжелое время наступило для Мечты. Надежда ушла, и жаловаться стало некому. А было на что. Надоела Мечте разгульная жизнь, и Чёрный Омут ей осточертел. А порвать с ним – не может. Силы воли не хватает и страшно: от него я уйду – а с кем буду? Остаться одной Мечта больше всего на свете боялась.

Чёрный откровенно над ней издевался и называл куклой и собачкой. Мечта огрызалась, но вяло. Тем более она видела, что так оно и есть. Но одному так трудно что-то менять! К Романтике Мечта подойти боялась: думала, та с ней и говорить не захочет после той драки. Скептик на нее наводил ужас одним видом. А больше и подойти-то было не к кому...

В таких грустных чувствах сидела Мечта на балконе, и плачевный вид окрестностей добавлял масла в огонь. Но вот она заметила какого-то незнакомого парня, почти еще мальчика. Он стоял и говорил о чем-то с Унынием, а потом пошел по направлению к замку. До Мечты долетело:

«Негасимый Огонёк!..» Мечта схватилась за перила и хлопала ресницами так, что тушь с них сыпалась.

«Это же то, чего мне так не хватает», – прошептала она.

Мечта уронила голову на руки и заплакала. Но от этих слез ей стало так светло и хорошо, как не было за все время, проведенное с Чёрным.

Она встала, пошла смыла всю осточертевшую косметику, скинула шелковое платье, посрывала золотые украшения. Чёрный глядит на Мечту и спрашивает:

– Ты чего, обкурилась?

– Нет, Чёрный Омут, я не обкурилась, – отвечает Мечта, натягивая ситцевое в цветах платье. – Просто я ухожу отсюда.

– Хвалилась синица море поджечь, – ухмыльнулся Чёрный. – Сама же прибежишь, обратно проситься будешь, в ногах валяться.

– Не буду, – Мечта улыбнулась. Такой улыбки обитатели главной башни ещё не видели и впали в некоторый ступор. А Мечта тем временем преспокойно спускалась по винтовой лестнице. Куда она шла, что собиралась делать и как жить дальше – она не знала. Знала только, что назад она не вернется и что ей очень хочется увидеть незнакомца с загадочным именем...

Незнакомец между тем стоял во дворе замка и раздумывал: куда бы двинуть? Вдруг дверь самой большой башни отворилась и оттуда вышла очень милая девушка. Вышла и остановилась. Огонёк обрадовался, что можно разъяснить обстановку.

– Кто ты, красавица? – окликнул он Мечту. Та, вспыхнув, ответила:

– Я Мечта. Здравствуй, Негасимый Огонёк.

– Откуда ты меня знаешь? – удивился тот.

– Разведка доложила, – Мечта вдруг лихо подмигнула Огоньку.

– У вас тут и разведка есть?

– У нас тут и Серость есть, и Тоска, тебя здесь только не хватает, – непонятно серьезно или в шутку сказала Мечта.

Но Огонёк не вслушивался в интонации.

– Серость?! – закричал он, хмурясь. – Не бывать этому! – И побежал вверх по лестнице.

Мечта подняла прутик и стала рисовать сердце.

– Это что, наше королевство? – прозвучало у нее над ухом.

Мечта отпрянула. Это Романтика вышла подышать свежим воздухом.

– Это... это... – забормотала Мечта, пытаясь стереть рисунок.

– Нет, зачем ты стираешь? – Романтика мягко взяла Мечту за руку. – Красиво.

– Правда что ли? – прошептала Мечта.

– Правда, – Романтика улыбнулась. – Ты и сама сейчас такая, что не узнать. Хорошо, что ты вышла. А то до тебя не добраться в этой башне.

– А зачем до меня добираться... Ой! – сама себя перебила Мечта. – Ты на меня не сердисься?

– За что? – искренне удивилась Романтика.

– Ну... я такая драчунья была...

До Романтики дошло, о чем речь, и она расхохоталась.

– Ты еще помнишь эту ерунду! – воскликнула она, отсмеявшись. – Неужели ты никому не веришь?

– Я не умею верить... Но я хочу – и боюсь... – Мечта беспомощно глядела на Романтику.

В это время распахнулась дверь, и оттуда вылетела Серость, а за нею и Скука. С безумными глазами, с проклятиями они помчались, не разбирая дороги, подняли пыль столбом и скрылись из глаз. Навсегда.

Мечта и Романтика на пару захлопали ресницами, и тут до них донеслось звонкое: «Ку-ку!»

На полуразрушенной ограде сидела неизвестная девица и ухмылялась. Прокуковав еще пару раз, она уже по-человечески улыбнулась, затем спрыгнула во двор и подбежала к девушкам.

– Давайте знакомиться, – сказала она, протягивая сразу две руки. – Я Вера. Вас я знаю: Мечта и Романтика.

Романтика пожала левую, а Мечта – правую руку Веры. От неожиданности они не знали, что сказать.

А Вера продолжала:

– Знаете, сколько бед происходит оттого, что люди не умеют верить и доверять друг другу. И себе, кстати. А почему?! Может, мне кто-нибудь объяснить, почему это происходит? – лицо Веры исказилось неподдельной болью.

– Потому что страшно, – раздался дрожащий голос Мечты.

– А что такое страх? – спросила Вера.

– Ну, не знаю... У нас тоже Страх живет – вон в той башне.

– Слушайте, – загорелись глаза у Веры, – пойдёмте узнаем, кто он такой.

Пошли. Дверь заперта. Стучат. Нет ответа. Опять стучат. Наконец, донеслось: «Кто?»

– Вера.

За дверью послышался вскрик, а затем воцарилось молчание.

– Померли они там, что ли, – проворчала Вера. – Раз так, я сама открою.

Провела рукой по скважине – и дверь, скрипя, отворилась.

Вера зашла внутрь, за ней робко ступили притихшие Романтика с Мечтой. Их взору предстало давно не убираемое помещение. Освещение –

чахлая коптилка под потолком. Окна закрашены. А в углу что-то копошилось, но разглядеть не удалось – снова раздался крик, словно с кого-то сдирали кожу. Затем частой дробью посыпались ругательства.

Вера топнула ногой.

– Мне надоело это! Прекрати бузить, выйди и покажись. Дело есть.

– Это Обида-на-Весь-Свет, – тихо сказала Мечта.

– Что? Обида, да еще на весь свет? Это же смешно! – и запрокинув голову, Вера рассмеялась.

Ругательства прекратились. Не переставая смеяться, Вера бросилась в угол, из которого они прежде доносились. Но перед носом у нее блеснула сталь.

– Стой!! Убью!!

Вера дунула на клинок – и тот осыпался, как цветочная пыльца.

Рукоятка со звоном выпала из рук Обиды.

– Ты... ты пришла убить меня... – задыхаясь, выговорила она. В ее глазах уже плясало что-то, несовместимое с разумом.

– Да постой ты, я просто хочу спросить...

– Нет! – дико вскрикнула Обида, оттолкнула Веру и, не глядя, выбежала из дома. Но вот она обо что-то споткнулась, упала лицом вниз и больше не встала. Вера подошла к ней, перевернула – Обида никак не реагировала. Тогда Вера приложила ухо к груди, послушала, а потом сказала:

– Она умерла от разрыва сердца. Я немного врач и могу определить это...

– Да было ли у нее вообще сердце-то? – вырвалось у Романтики.

– Было... Но оно до краев переполнено было злостью, обидой и надменностью. Такие не живут долго. Но неужели в таких сердцах больше ничего нет, совсем ничего? Как так жить? Я не понимаю... – Вера со своим недоумением напоминала ребенка, впервые столкнувшегося с несовершенством мира. Но тут ее окликнули, и несовершенство забылось само собой, пока она здоровалась со своим давним другом – Негасимым Огоньком.

Наконец восторги встречи поутихли, и Огонёк спросил Веру:

– Как тебе здешнее население?

– Да вот... – Вера повернулась в сторону Обиды и замолчала. Трупа не было. – Куда же она делась?

– Кто?

– Да Обида-на-Весь-Свет. Она тут, понимаешь, с ножом на меня бросалась, а потом сошла с ума и померла от разрыва сердца. А куда труп делся – не знаю...

– Делась – и черт с ней, – сплюнул Огонёк себе под ноги.

– Огонёк! – укоризненно сказала Вера.

– Прошу прощения, совсем забыл, что нахожусь в дамском обществе... А Уныние ты отправила на заслуженный отдых?

– Не удалось, – грустно сказала Вера. – Она только убежала и спряталась. Надо Работу сюда... Давай ты теперь о своих подвигах рассказывай.

– Да какое там... Серость со Скукой драпанули от меня как от огня, – рассмеялся он. И тут же нахмурился. – А больше я ничего не могу сделать, хоть убей! Жирная туша Лени – ее и трактором не сдвинешь. И с Чёрным что делать – ума не приложу. Такое впечатление, что он сильнее нас всех вместе взятых...

– С Чёрным я справлюсь, – раздался тонкий голос.

Все с удивлением обернулись. Это говорила Мечта.

– Ты?! Слабая девушка?! – Огонёк изумленно глядел на нее.

– А Вера не слабая девушка? – с вызовом спросила Мечта, хорошея под этим взглядом. – А я что, из другого теста? Он слишком долго держал меня в подчинении. Я отомщу ему. – С этими словами Мечта шагнула в главную башню.

Чёрный Омут стоял посреди комнаты с отсутствующим видом. Руки в карманах. Все-таки Огонёк здорово его напугал, хотя он и не подал вида. Было в Огоньке что-то незнакомое и непонятное Чёрному Омуту, и это «что-то» терзало и не давало покоя.

Увидев Мечту, он ухмыльнулся, чтоб скрыть паршивое настроение, и дьявольски захохотал:

– Я же говорил – обратно прибежишь!.. Глотнешь свободы – и подавишься. Свобода, деточка, дерьмо такое, что лучше не пробовать. Так и быть, на сей раз прощаю, я добрый. Ну, иди же ко мне, моя любимая игрушка, – и сам двинулся ей навстречу, не вынимая рук из карманов.

Мечта стояла на пороге, скрестив руки на груди, и холодно и презрительно глядела на него. И под этим взглядом Чёрному Омуту сначала расхотелось смеяться, потом захотелось вынуть руки из карманов, а потом...

– Ты что делаешь, негодная девчонка! Не смотри на меня так, мне плохо от этого взгляда, он мне напоминает этого рыжего гаденыша... Ты же моя тысячу раз, ну кончай это безобразие, давай помиримся, я хороший, ты, бестолковая скотина, – кричал Чёрный, метаясь из угла в угол, натываясь на стены и предметы обстановки. Вот он налетел на окно, оно зазвенело и треснуло. Звон, что ли, подтолкнул Чёрного: с быстротой молнии он открыл раму, вскочил на подоконник и с неразборчивым криком кинулся вниз. И наступила тишина.

Мечта постояла немного, слушая эту тишину, затем удовлетворенно кивнула. И пошла вниз с тем же гордым, можно сказать – царственным видом, не разнимая рук на груди.

Лень, наблюдавшая за происходящим, была ошарашена. Она по-прежнему лежала на кровати в своем цветастом платье, которое ей, между прочим, очень шло. Да и вообще Лень красива: женщина в теле, в самом расцвете лет и всего прочего...

Лень знала, что она привлекательна, знала, что она сильнее всех в этом королевстве, и поэтому ее не тревожил приход Огонька, как Чёрного. Она позвила в адрес обоих и спокойно перекатилась на левый бок, чтобы дальше заниматься любимым делом: блаженным ничегонеделанием.

Правда, молчаливая Мечта с ледяным взглядом удивила Лень. Глядя, как Чёрный сходит с ума, она даже привстала, что бывало весьма редко. Выгнав Чёрного, Мечта удалилась, и Лени стало не по себе. Но она знала, она была уверена, что ее, Лень, никто не в силах побороть, никакая Мечта, никакие негасимые огоньки.

Лень достала из-под подушки зеркало и залюбовалась собой.

– Что, – подмигнула она самой себе, – заключали тут союз четырех, и все поразбежались, как зайцы, одна я осталась. Что ж, я не против и совсем одной остаться хоть в Сердце, хоть на всем белом свете.

С этими словами Лень засунула зеркало обратно, натянула одеяло на голову и заснула богатырским сном. Аж потолок задрожал от храпа.

Скептик шел и ворчал:

– Поди туда – не знаю куда, приведи того – не знаю кого... Взбрело этому Огоньку в голову: давайте позовем Юмор и Почемучку! Ну и звал бы сам, а то за него кто-то отдуваться должен, а у него, видите ли, дела... Он, значит, с Любовью прохладиться будет и драться со всякими гадами, а я тут должен тащиться к черту на кулички, неизвестно, где их искать... Сердце-то большое... И наряд мой не нравится ему, и оружия, мол, слишком много. Да какое твое цыплячье дело!.. Пришел с ветру и свои порядки устанавливает...

На самом деле Скептик хорошо относился к Огоньку. Он просто немного завидовал этому «цыпленку» и не отказался бы и сам подражаться с гадами, и попрохладиться... ну, не с Любовью, а кое с кем другим... но неважно. Только всё оружие у него было никудышное, неладное для боя. И еще Скептик довольно скептически относился к себе и побаивался, как бы Огонёк кое-кому не вскружил голову. Но он ни за что не признавался в этом самому себе (как же! такой солидный, такой умудренный жизненным опытом – и вдруг ребячество какое-то...), а потому шел и ворчал – на Огонька, на Любовь и Романтику, а заодно и на всё на свете. Так продолжалось до тех пор, пока Скептик не устал и не свернул к какому-то ручейку. Наклонился и стал пить. И тут его что-то пребольно щёлкнуло в лоб.

Скептик поднял голову, думая, что с дерева что-то упало. Но вокруг стояли берёзы, на которых, как известно, плодов нет и шишек тоже. Скептик непонимающе оглянулся, и тут его вдарило по виску, да так, что в глазах потемнело. А по воде запрыгал, как мячик, лесной орех с кулак размером. И послышался смех.

– Что за хулиганские выходки! – заорал Скептик, поднимая ладонь к ноющему виску. – Вот я шас залезу на дерево и оборву тебе уши!

В ответ смех перешёл в ржач, и из листьев высунулась чья-то башка, чем-то вроде знакомая. Скептик моментально нагнулся, схватил подвернувшийся камушек и швырнул во вредную рожу. Рожа попыталась скрыться, но слишком поздно.

С дерева спрыгнул кто-то в чёрном и, потирая здоровенный фингал, направился к Скептику.

– Ну, ты, дядя, даешь, пошутить нельзя, – дружелюбно сказал этот кто-то. На нем зачем-то были чёрные очки.

– За подобные шутки можно без головы остаться, – сердито сказал Скептик. Впрочем, зрелище фингала быстро вернуло ему хорошее настроение.

– Где-то я тебя уже видел, – протянул Скептик, вглядываясь в физиономию чёрноочкарика.

– Видел, – фыркнул тот. – Конечно, видел, соседями были.

– Ты Юмор, что ли? – ошалел Скептик. – А чего в чёрное вырядился? Ты же у нас всю жизнь зелёный был. И очки – вроде солнце в облаках.

– А то, что я теперь Чёрный Юмор! – и лицо Юмора перерезала такая усмешка, что Скептик отшатнулся. – Надоело! Зелёный Юмор! Юмор в коротких штанишках! Привыкли, что я – мелочь колхозная, к которой необязательно серьёзно относиться. Я хоть и Юмор, а и Юмору не нравится, когда его в расчет не берут и знай потешаются...

– Да кто над тобой потешается... – изумленно начал Скептик, но его перебили:

– Заткнись, телега немазаная! Не ты ли вечно скрипел над «молодо-зелено». А теперь у меня штаны длинные, а не короткие, и ни одна зараза надо мной смеяться не будет. А плакать по мне некому...

– Юмор в длинных штанах, – констатировал Скептик.

– А не пошел бы ты...

Выругавшись, Юмор как-то обмяк, весь его запал улетучился.

– Только странная штука, – вздохнул он, – с тех пор, как я стал Чёрным, мне никакие шутки не удаются.

– Слушай, – вздохнул и Скептик, – мало нам Чёрного Омута, будет еще и Чёрный Юмор? А Огонёк еще на тебя рассчитывал...

И Скептик рассказал, что произошло в замке за время отсутствия Юмора.

Юмор обрадовался, что Обиды уже нет, но, когда Скептик предложил идти в замок, поправил очки и ответил голосом потерпевшего кораблекрушение:

– А что я забыл в замке? Там теперь народу хватает, без меня обойдутся... Да и Огонёк этот меня зовёт, наверное, чтоб покуражиться, похвастать, что он сумел, а я собаку съел... А я уже сказал – мне это надоело.

– Да ты не Чёрный Юмор, а просто ходячий комплекс неполноценности! – не выдержал Скептик.

– Ладно, ты у нас самый умный всегда был... Ходячая пыльная мудрость...

Перепалка грозила затянуться надолго, но тут окрестности огласило звонкое «кукареку-у-у!..» – и из соседних кустов вылез какой-то мальчуган, до невозможности лохматый.

– Здравсте, – кивнул он Скептику. – Меня Почемучкой звать. Я тут нечаянно подслушал ваш разговор, а потом вы зачем-то начали ругаться, ну я и думаю: пора вылезать...

– Нет, я понимаю, что честности, в общем-то, в жизни нет, – сердито сказал Скептик, – но подслушивать чужие разговоры...

– Это когда о личном говорят – нехорошо. А когда что-нибудь рассказывают – можно.

– А что ж ты тогда говоришь: нечаянно? Что-то мешает сказать: подслушивал нарочно? – испытующе глянул Скептик на Почемучку. И, глянув, рассмеялся. – Да ты чего такой лохматый-то?

Почемучка смутился, непонятно – от «нечаянно» или от лохматости. Выволок из заднего кармана брюк обломанную расческу и начал смешно и неловко причесываться. Результат был неважный, похоже, он и сам знал об этом, потому что виновато улыбнулся:

– Сколько ни причесываюсь, а все равно лохматятся. Видно, судьба мне жить с неприглаженными волосами, да ведь я и сам неприглаженный...

– А чего это ты петухом кричал? Не мог под лесную птицу подделаться?

– А это мы специально, чтоб отличать, – встрял Юмор. Надоело ему, что разговор мимо него катится. – Мы уже всех пичужек в округе распугали, половину перебили.

– Герои...

– Может, мы по дороге поговорим, а? И так уже столько времени потеряно? – спросил Почемучка.

Юмор захохотал:

– Да ты всю жизнь тут ошивался, в замок ни ногой, а сейчас загорелось? Огонёк тебя на расстоянии поджёт, что ли?

– Может, и поджёт, – спокойно согласился Почемучка. – Мне кажется, я с ним подружусь.

Юмор только плюнул – тьфу ты! – но поплелся вместе со всеми, то и дело поправляя очки. Из-за этих очков он частенько спотыкался, потому что видимость в них была препаршивая. Но снимать не желал ни в какую.

Скептик же успел оценить слова Почемучки «поговорим по дороге». Тот умудрялся в обычных, ежу понятных вещах находить что-то непонятное, с виноватой улыбкой говоря: я же не еж... И всегда, стервец, ставил вопрос ребром – не отвертись. И Скептику пришлось вертеться, как угрю на сковородке, вспоминать свой мнимый и настоящий опыт и с удивлением думать, что вот это ему бы и в голову не пришло, а вот то приходило, да он отмахнулся: а, неважно, потом... А оказалось, что важно и что никакого «потом» нет, есть только «сейчас»... И еще он понял, что не может ответить этому «сейчас» однозначно и в своей любимой скептической манере. Чего-то не хватало.

Подобные вещи изматывают, и Скептик вздохнул с облегчением, когда, наконец, замаячили остатки прежней замковой роскоши.

– Идут! – завопила Вера (она опять сидела на обвалившейся ограде, теперь уже в дозоре), спрыгнула, побежала навстречу и давай обнимать всех по очереди.

Огонёк тоже перемахнул через ограду, здоровается с новоприбывшими. Говорит этак весело:

– Вовремя вы пришли: к нам тут, наконец-то, Работа с Весельем притопали. Уныние с ними поцапалась и убралась восвояси. Ой, как она ругалась, как она за власть свою родимую цеплялась – это надо было видеть...

– Ага, – вклинилась Вера, – а от меня Страх убежал. Превратился в мышку серую и юркнул в подвал. Уж я звала-звала – не выходит ни в какую...

– А у нас сейчас будет исторический поединок, – снова заговорил Огонёк, и глаза у него засверкали, – Работа с Ленинь состязаться будут! Ну, Работа у нас огонь-девка, оторви да брось. Должна же она...

– Погоди-ка, балагур, – перебил вдруг Юмор. – Ты Любовь разбудил уже?

– Нет ещё, – растерянно проговорил Огонёк.

– А чего ждешь? А ну живо иди, буди ее! Думаешь, приятно человеку столько спать и не знать, что на свете делается? Будь я на твоём месте... – Юмор не договорил, но Огонёк и не подумал возражать. Развернулся и пошел в башню, где спала Любовь.

В башне царил полумрак. Романтика отделала ее по своему романтическому вкусу, и от убранства веяло чем-то полузабытым, но манящим. Надо отдать должное хозяйке: выглядело это красиво.

Огонёк стоял, оперевшись на спинку кровати, и глядел на Любовь. Она ужасно маленькая, в оборванном и грязном платье, волосы, тоже давно немытые, раскиданы по подушке, а лицо какое-то непонятное: на нем и грусть, и то безразличное выражение, которым ее наделила Скука. И вообще, она как будто не вписывалась в шикарную обстановку башни.

Огоньку-то наплевать – какая обстановка. Глядел на эту оборванку и глаз оторвать не мог. А уж что у него в голове в это время делалось – лучше не спрашивать... В голове ли, в сердце или еще где – это неважно...

Но так стоять можно до ночи. Будить надо! А как? – сам себя спросил Огонёк. И сам же себя дураком обозвал. Уж историй-то про спящих красавиц довелось наслушаться. А вот действующим лицом быть еще не приходилось.

Подошел Огонёк поближе, присел на кровать. А сердце стучало, как, скажи, стая волков по пятам гонится. Тут Любовь вздохнула во сне, да так протяжно... Огонёк тряхнул головой, отгоняя наваждение, нагнул и поцеловал девчонку. И гадал: проснется – не проснется?..

Веки у Любви задрожали, и, не открывая глаз, она зевнула во всю глотку. Вроде это противно, а Огоньку хоть бы хны. Влюбленные, они все такие – с прибабахами...

Любовь глаза открыла, кулачками протерла, ну и увидела над собой какого-то рыжего. Незнакомого.

– Это Скука в тебя превратилась, да? – спросила она, садясь на постели.

Огонёк рассмеялся, и всю его нерешительность как ветром сдуло.

– Нет, – говорит, – Скука от меня быстрее, чем вошь, убежала. А я Негасимый Огонёк, и со мной не будешь ты знать ни скуки, ни серости. Ни покоя, – добавил он чуть слышно.

Любовь хитро прищурилась.

– А я тебя зна-аю, – протянула она. И волосы у нее стали рыжие-рыжие. Ведьма, да и только. Ведьмочка.

– Откуда?

– А вот не скажу, а вот не скажу! – Любовь прыгнула с кровати, показала Огоньку нос и заприплясывала на одной ножке куда-то в угол. Не переставая напевать: «а вот не скажу, не скажу-у...»

– Да стой ты, чего ты не скажешь? Да не мельтеши!.. И почему ты рыжая стала? И... Ну не морочь мне голову! – Огонёк растерянно стоял посреди комнаты.

Любовь в ответ засмеялась, продолжая кружиться. Но вдруг оборвала смех:

– Ты сказал – рыжая? Я тебе рыжая не нравлюсь?

Голос почти прогремел. Она стала фертом, глаза засверкали зелёным недобрым огнем... «Вот это я влип», – мелькнуло у Огонька, но он сказал:

– Нет, нравишься. А что рыжая – я и сам рыжий. Просто так сразу... непривычно.

Любовь секунду еще глядела на него в упор, затем взмахнула руками и, смеясь, побежала к выходу.

– Пошли скорей! – прокричала она, обернувшись.

Они вышли... нет, выбежали из башни. И тут Огонёк остановился и в изумлении протер глаза:

– Это пока я тебя будил, уже ночь наступила? – Но тут же понял, что ночь ни при чем.

Небо заволочла сплошная чёрная туча. Она висит низко-низко – шпиль башен теряются в ней, мягкой лапой туча касается крыш. Кажется, она охватила кольцом замок: за оградой ничего не видно, все скрыла чернота. И так уютно под этой тучей, словно положили тебя под гнет, как цыпленка табака, да еще с боков кирпичами подперли.

– Что это такое? – с любопытством спросила Любовь, глядя на тучу.

Огонёк пожал плечами. Он бы и сам был не прочь это узнать.

– Это Страх, – донесся хриплый срывающийся голос. Никто бы не догадался, что он принадлежит Мечте. Она стояла, опираясь на стенку, то и дело съезжая по ней. Лицо страшно бледное, а глаза... Огонёк отшатнулся, столкнувшись с ней взглядом.

– Ну вот что ты будешь с ним делать, – проговорила Вера, быстрым шагом подходя к Огоньку. – Вылез из подвала, раздулся до размеров бегемота и – нате вам пожалуйста – пугало огородное. Я с ним пыталась говорить – бесполезно. Что ж, если не хочет по хорошему...

Вера немного отошла от зданий и подняла руки. По ладоням пробежали вспыхнувшие искорки, а затем с рук сорвались и ушли в небо, вернее, в тучу, два луча. На миг полыхнул ослепительный свет... и тут лучи отрикошетили вниз, на обитателей и гостей замка. Больше всех почему-то досталось Мечте и Любви. Да и остальные выглядели неважно: у кого рука обожжена, кому нос подпало...

– Ничего не понимаю, – растерянно прошептала Вера. Затем схватила походную сумку, в которой ко всему прочему таскала еще и врачебные снадобья, и пошла залечивать ожоги.

...Когда в Любовь ударили отлетевшие лучи, она заревела в голос. Огоньку, ясное дело, эти слезы – что нож вострый, он и ожога-то на себе не почувствовал. Разозлился ужасно.

– Ах так! Я, – говорит, – я тогда... А вот я залезу сейчас на крышу и спихну ваш чертов Страх голыми руками!

Никто и слова сказать не успел, как он скрылся в башне Романтики. И вот он уже вылез из слухового оконца и взгромоздился на крышу. Крыша-то как купол, держаться не на чем и не за что. Ну, каким-то образом Огонёк там угнезвился, обругал Страх по-черному, уперся в него руками и давай толкать! А Страх неожиданно твердый, хоть и тучей прикинулся.

С земли кричат: «Слазь! Псих! Убьешься!»

Огонёк не отвечает, не до того ему. А тут крики сами прекратились: Страх неожиданно пополз вверх. Вот уже видны шпили башен, вот показались обвисшие флаги... Внизу опять заголосили, только теперь преобладало словечко «Давай!» И вдруг... стоп. Ни с места. Страх тормознул так резко, что Огонёк полетел с крыши вверх тормашками. Правда, умудрился зацепиться за карниз и благополучно спрыгнуть.

Стоит и пот со лба утирает

– Я, – говорит, – такой бузы за всю жизнь не видел.

– А у тебя такая длинная жизнь? – проворчал Скептик, оказавшийся тут как тут.

– Я жизнь меряю не по количеству, а по качеству, – ответили ему. – Но это неважно, лучше скажите кто-нибудь, чего с этим теперь делать?

– А может, ничего не надо делать, а? – раздался чуть насмешливый голос. Его обладательница резко выделялась среди местных: смуглая, с черными кольцами волос, с полными блеска черными глазами, в синей заляпанной спецовке и в ослепительно белом переднике.

– Работа! Ну, наконец-то! – закричал Огонёк и кинулся обниматься.

– Полегче, полегче, – ворчливо сказала Работа. Впрочем, в глазах у нее прыгали веселые чёртики.

– А меня, Огонёк? – завопила светловолосая девушка в платье, сшитом из разноцветных лоскутков. – Я ревновать буду!

– Ну куда же я без тебя, Веселье! – парень и её сгреб в охапку.

Мечта наклонилась к стоявшей в сторонке Любви и прошептала:

– Ты не ревнуешь?

– А что это значит? – спросила Любовь, хлопая глазами.

– Как странно, – протянула Мечта, не отвечая на вопрос. – Я тоже...

– ...А я говорю – да не надо с ним ничего делать, пусть висит, как сосиска на ниточке, коли ему любо. А вы своими делами занимайтесь и не обращайтесь внимания. Глядишь, сам слезет, надоест. – Это высказалась Работа, когда опять разгорелись страсти по поводу Страх.

– Как это я могу заниматься своими делами, когда надо мной такие страсти-мордасти! – возразила Романтика и даже поёжилась, глядя на Страх.

Работа фыркнула.

– Разве это не романтично: горстка людей в окружении не сдаётся, а продолжает обычную жизнь? Или вся твоя романтика – только на словах?

– Ну знаешь... – Романтика хотела уже не на шутку обидеться, но не успела: из-за ограды, из непроглядной черноты донесся стук, треск, конское ржанье и проклятья. Все как по команде повернули головы, но разглядеть ничего не удалось. А ржанье повторилось, но теперь оно звучало жалобно, почти по-человечески.

Секунд через пять распахнулись ворота, на пороге выросла Упрямство и тут же заслонила левой рукой глаза. Во дворе замка было куда светлее, чем за его пределами. Правой рукой она обнимала за шею коня; тот упирался, прижимал уши и жалобно всхрапывал, но шел за хозяйкой.

– Может мне кто-нибудь объяснить, что здесь происходит? – воскликнула она, опустив, наконец, руку.

– Не узнаешь старого знакомого? – хмыкнул Скептик. – Это Страх решил пошутить.

– Вешать надо за такие шутки! – возмутилась Упрямство. – Я, значит, еду, никому не мешаю, вдруг наваливается тьма – пятерни своей не увидишь! Конь ошалел, понес, тут эта чертова ограда – я и полетела из седла через голову! И поводья порвались, такие хорошие поводья... – Упрямство замолчала и с подозрением начала всех оглядывать. – А чего это вы в пластырях да бинтах? Какое такое великое сражение было?

Когда ей рассказали, в чем дело, она пришла в бешенство.

– Ну, погоди! – заорала она, хлопая себе по карману. Но содержимого на месте не оказалось, наверное, вывалился у забора. Упрямство ругнулась и, оттолкнув коня так, что тот заржал, бросилась в свою башню.

Не успел никто глазом моргнуть и дух перевести, как она уже выбежала с хлопущечным ружьём в руках, которым стреляли под Новый год. На ходу зарядила, остановилась и давай палить! Вспышки, вспышки, хлопущечный мусор... А толку что-то нет...

– Да прекрати ты, – не выдержал Огонёк. – Его, видно, по-другому брать надо...

– Заглохни, – отрывисто и резко сказала Упрямство, не отрываясь от своего занятия. Некоторое время все молчали, лишь слышны были хлопки выстрелов.

– Господа, товарищи или как вас тут называть! – первой потеряла интерес к пальбе Работа.

– Мы – свободные граждане, – поправила Романтика.

– Да уж, свободные, – усмехнулся Скептик. – Штаны полны этой свободой, того гляди – вывалится...

– Да что от тебя слышны одни только гадости! – закричала Романтика. – Надоел уже, сил нет!

– А ты мне дай жизнь без гадостей, – снова усмехнулся Скептик, – я не буду их поминать.

– Да ты... да... – Романтика нервно заоглядывалась, не иначе в поисках подходящего снаряда. Не найдя такового, она просто крикнула так, что даже у Страха уши заложило:

– Как же я тебя ненавижу, козёл!!

– Милые бранятся – тешатся, – пробормотал под нос Юмор, отнимая руки от ушей, – а окружающие страдать должны...

– Всё сказали, что хотели? – спросила Работа, скрестив руки на груди. – Или еще в запасе осталось? Так говорите, не стесняйтесь...

Романтика и Скептик молчали, не глядя друг на друга.

– Значит, можно начинать... Да прекратишь ты воздух сотрясать или нет!.. – обернувшись, с раздражением крикнула она Упрямству. – Уши уже болят от шумовых эффектов!

Упрямство, ничего не ответив, включила глушитель.

– Ну вот, – удовлетворенно вздохнула Работа, – теперь нормально... Знаете, свободные граждане, я много где была, но такого, как у вас, еще не видела...

– Слыхали мы уже это, – хмыкнул Юмор и засунул руки поглубже в карманы. – А я скажу: еще и не то увидишь...

– Это понимать как мрачное пророчество? – поинтересовалась Работа, глядя на одеяние Юмора. – Но... Граждане, я не обучена болтать по-пустому! Надежда мне сказала, что вы живете под гнетом Уныния и Лени. Уныния больше нет, осталась одна Лень, но это еще хуже... В общем, где она у вас прячется?

– Я бы сказал, где она прячется, – проворчал Огонёк, – да вот...

– Ну и где?

– Да в них же самих! Ты полюбуйся только: пальцем о палец не ударят, чтоб себе же хорошо сделать! Сидят, ждут манны небесной и ещё недовольны. А, ненавижу я такое...

– Ну, знаешь... – на Огонька со всех сторон полетели реплики, причем самая приличная звучала примерно так:

– Если ты, козёл, такой умный, то иди и вытури Лень в одиночку!

– Сдаюсь! – завопил Огонек, поняв, что его сейчас будут бить. Даже руки поднял. – Сдаюсь, но остаюсь при своем мнении, – добавил он нормальным голосом.

– Я бы тебе голову оторвал за твое мнение, – задумчиво сказал Скептик, – если бы здесь не было доли правды...

«Г о с п о ж а Лень! Как Вам известно, королевство Сердце издревле строилось на принципах свободы: каждый может делать всё, что заблагорассудится, но не мешая остальным. За соблюдением этого принципа следила Совесть. Вы и сами его придерживались, и к Вам относились доброжелательно. Но с Вами произошло что-то, непонятное Сердцу. Обманным путём устранив стражника, Вы стали тираном. Это явление было абсолютно неизвестно в королевстве, почему Вы и не встретили сопротивления.

Прознав о легкой Вашей удаче, сюда стали стекаться разные вредительские личности, вроде Серости, Обиды и пр. Под Вашим предводительством они довели королевство до грани развала. Однако, если Вы не знаете, – народ терпит долго, но бьет больно. Вражеский стан разбит, правда, еще упрямится Страх, но разберемся и с ним. Вам же мы предлагаем одно из двух: либо Вы по доброй воле прекращаете свое влияние и нам не мешаете, либо Вас вызывают на поединок. Состязаться с Вами будет Работа. Выходите, как только прочитаете это послание.

Негасимый Огонёк, Работа, Мечта, Юмор, Скептик,
Любовь, Романтика, Вера, Веселье, Почемучка».

Прочитав, Лень швырнула бумагу в угол.

– Какой только им свободы еще надо? – недоуменно пожалала она плечами. – Меня им мало, что ли?

Лень встала и заходила по комнате.

– Нет, ну подобралась компания, – бормотала она себе под нос. – Принес же черт Работу! Как без нее хорошо было! И Почемучка притащился. Откуда они только его выудили? Да еще парламентаром отправили. Видеть его рожу не могу...

– А все этот Негасимый Огонёк! – Лень остановилась и злобно уставилась на шкаф, как будто там и сидел Огонёк. – И чего только он у нас в Сердце забыл?

Лень подошла к окошку.

– Пируют, гады... М-м-м, как я хочу жрать...

А внизу, и правда, шел пир горой. После долгих препирательств составив, наконец, ультиматум Лени, все вдруг почувствовали себя зверски голодными и усталыми. Усталость – полбеда, а вот голод... И как назло – есть совершенно нечего, хоть шаром кати.

Но Веселье крикнула: «Это мое!» – и пошла по двору, переворачивая каждый камушек, разглядывая каждую былинку. На нее непонимающе заоглядывались, но Работа пояснила, завалившись прямо на траву:

– Это действительно ее дело. Она кашу не то что из топора – из зубочистки сварит!

И тогда остальные поплюхались на землю – кто куда. Кто-то тут же захрапел, кто-то повел неторопливый разговор... Веселье тем временем разожгла костер, приволокла из чьей-то башни котел (откуда только чутье взялось!) и колдовала над варевом, напевая песенку и пританцовывая на левой ноге. Складывалось впечатление, что эта девчонка совершенно не умеет молчать и спокойно сидеть на одном месте.

Вскоре по двору поплыл вкусный-вкусный запах. Но странно: он не дразнил, не возбуждал аппетит, а обволакивал мягкой лапой. Навевал дремоту и что-то еще, приятное такое... И незаметно вытягивал усталость, как компресс.

– Идите есть! – наконец крикнула Веселье.

Надо сказать, дважды звать никого не пришлось, спящих живо растолкали соседи. И все-таки у костра собрались не все...

– Упрямство! – позвала Веселье, наливая очередную чашку. – Бросай свою хлопушку, иди поешь!

– Не хочу, – долетело в ответ.

– Да что это, в самом деле! – Веселье даже поварёшку бросила. – Ультиматум ты подписывать не хочешь со всеми, есть не желаешь... Тронулась ты, что ли, на этом Страхе?

– Отстань! – огрызнулась Упрямство. Чтоб добавить какое-нибудь ругательство, ей уже не хватило сил. Она и стреляла-то уже стоя на одном колене. Но – стреляла...

– ...Сидят, ложками стучат, как чертенята на завалинке, – прошептала Лень, прислонившись к стеклу. – Попросить, что ли, чтоб и меня накормили?..

Лень вздохнула: вспомнилось золотое времечко, когда она была еще совсем юной и не ворочала государственными делами... Весело тогда жилось... Может...

– Ничего не может! – Лень отпрянула от окна, словно кипятком ошпаренная. – Чтобы у меня было что-то общее с этим сбродом, с чернавкой Работой! Да легче сдохнуть!

Лень схватила завалившуюся корку хлеба и стала нервно грызть, сдирая эмаль с зубов. Немного успокоившись, она принялась шарить по всем углам в поисках расчески.

– Вот же, ничего найти невозможно, – ворчала она, роясь в кучах неопознанного хлама. – При Чёрном так легко было! Тот пальцами щелкнет, и готово дело. А тут... О, вот она!

Лень выволокла расческу без трех зубов и принялась расчесывать волосы. За время лежанья они ужасно сваялись.

– Я же так стану лысой! – воскликнула она, бросая на пол очередной клочок золотистых волос.

– Ну вот, кажется, всё, – Лень глянула в зеркало, затем швырнула его вместе с гребёнкой на кровать, развернулась и пошла. И пока она спускалась по лестнице, она все мрачнела и мрачнела и, наконец, сделалась мрачнее тучи.

– Кажется, здесь кто-то осмелился бросить мне вызов? – громом прогремело над беззаботными едоками.

– Да, кажется, – насмешливо сказала Работа, продолжая орудовать ложкой. – Кажется, осмелился, – повторила она и, прищурившись, уставилась на Лень.

Больше половины ложек моментально перестали стучать. На Лень устремились взгляды, но не насмешливо, как у Работы, а с привычной покорностью. Поистине, Лень была сильнее даже Страха.

Работа между тем доела похлебку и отшвырнула чашку.

– Ну что, – сказала она, поднявшись и одергивая передник, – я хоть сейчас готова.

– А вот сейчас и начнем, – процедила Лень, пожирая Работу взглядом. – На каких условиях драться будем?

– На дипломатических, – встрял Негасимый Огонёк и потянулся за добавкой к Веселью. – Всякие там холодные, огнестрельные и прочие ядерные погремушки так несовременны...

– Чего? – недоумевающе спросила Лень.

– Расписывать будете свои достоинства, – пояснил Огонек. – Да и недостатки уж заодно. А мы, – он обвел широким жестом сидящих, – вас слушаем и решим, кто нам больше подходит.

– А кто не подойдёт, – добавила Работа, – тот выметается из Сердца.

– Со своими сторонниками, – уточнила Лень, окидывая взглядом окружающих.

– Да с удовольствием, – фыркнула Вера. – Только их еще найти надо...

Лень подбоченилась и захохотала.

– Это мне-то искать сторонников! Да всю жизнь Сердце было под моим началом и радовалось этому! Неужели вы думаете, что какая-то вшивая Работка сможет меня переплюнуть!

– Ну давай, давай, – негромко подбодрила Работа. Она стояла, прислонившись к стене, и даже не глядела на Лень.

– Нет, вы только подумайте, что значит работать! Это же добровольно взвалить на себя громадную и нудную тяжесть. Это же значит продаться в рабство! А вы еще о свободе говорили... Настоящую свободу могу дать только я! Я – Лень, я – свобода ничего не делать!

Лень все больше воодушевлялась. Она действительно верила в то, что говорила.

– Жизнь прекрасна, и мы устроены прекрасно! Так неужели же можно плевать на эту красоту и тратить время на дурацкие вещи, которые портят настроение!

– Можно вопрос? – влез Почемучка. – А чего мы жрать будем, не работая?

– Ну какой же ты дурак! – воскликнула Лень. – Мы будем наслаждаться чудесными кушаньями и винами. Ведь всегда есть личности, которые либо будут на тебя работать, либо умеют все добывать без работы. Надо просто найти кого-нибудь из них. Вот как я Чёрного Омута, пока вы, гады, его не прогнали...

– То есть надо стать паразитом и сволочью? – Огонёк вскочил, будто его подбросило. – Да ты, скотина, за кого нас принимаешь?

– Попрошу не обзываться, – с достоинством ответила Лень. – А то я так отвечу, что тебя пополам согнет и наизнанку вывернет. А впрочем, – совершенно нелогично продолжила она, – ты правильно сказал. Паразиты и сволочи. Ну, сволочь – сильно сказано. А паразиты точно все. В душе точно все паразиты! – возвысила голос Лень, увидев, что ей хотят возразить. – Потому что каждому, слышите – каждому, хочется чего полегче, хочется, чтоб кто-нибудь ему помог, часть на себя взял, а то и целиком... Кто скажет, что ему этого не хочется, – врет как сивый мерин. И потом – к чему направлены усилия любой работы? Что получается в итоге? Ну, отвечайте, я вас спрашиваю!

– Наверное, работают, чтобы получить удовольствие, – неуверенно сказала Романтика. – Чтоб обеспечить себя...

– Вот! Вы слышали? – Лень подняла палец. – Работают, чтоб получить удовольствия разной масти. Цель – у-до-воль-стви-я! Работа – лишь средство. И вы после этого обижаетесь на слово «паразит»?

– Ну, нельзя же так всех на один аршин мерить! – воскликнула Вера. – А если кому-то сам процесс работы – это удовольствие?

– Так ведь главное-то ему – что удовольствие получает! Что от работы, а не от чего другого – так это просто мозги набекрень... Ну, у кого еще есть сомнения, что от Работы никакого толку нет?

– А как же, – раздался тоненький голос Мечты, – а как же тогда... ну, как это называется, что с каждым годом, с каждой эпохой что-то новое берётся, придумывается?

– Прогресс, ты хочешь сказать, – уточнила Романтика.

– Да, точно, прогресс. Откуда бы он взялся, если б никто не работал?

– Милая ты моя, – медленно развернулась Лень всем корпусом, – и вы тоже, милые, хорошие! Да зачем он вам нужен, этот прогресс? Он только жить мешает. Не всё ли вам равно – будет ли у вас туалет под названием унитаз или просто дырка в деревяшке? Приспичит – так под любым кустом штаны снимешь!

Юмор вдруг выбрался вперед, снял очки и начал разглядывать Леня самым беспардонным образом.

– Что это ты на меня уставился? – недовольно спросила та.

– Да я вот думаю, сколько синяков бы ты имела, если б лежала в первобытной пещере, а не на изобретении прогресса – мягкой перине...

Секунду-другую все переваривали сказанное, а потом захохотали. Да так, что наверху затрясся Страх и стены замка грозились обвалиться.

– Я думаю, штук двадцать пять, не меньше, – заявил Огонёк.

– Почему? – заинтересовалась Вера.

– Ну как... Женщина с объёмами, мечта поэта...

– Огонёк, ну что за дурацкие шутки! Гляди, какая настоящая мечта!

– Вера схватила за руку Мечту и поволокла к Огоньку. А та краснела, отбивалась, вырывалась, а потом остановилась и уставилась ему прямо в глаза.

– ...Нет, тогда же были мамонты! И тигры саблезубые, а у них знаешь какие шкуры. Если убить штук сто тигров и мамонтов десяток-другой, Лени хватит, – вклинился Почемучка.

– Фу, Почемучка, ты что такой изверг! – воскликнула Романтика. – Зачем убивать бедных животных! Я бы подошла к ним, погладила, за ухом почесала...

– Саблезубого тигра ты бы за ухом почесала? – спросил Скептик. – Ну-ну...

– Кстати, – повернулась к нему Романтика, – если человек действительно добрый, звери его не тронут. И если он их любит и не боится. Я бы и к тигру подошла, он не страшный...

– Я бы тебе подошел, – успокоил ее Скептик и похлопал по ружью.

– Да ты кто такой, чтоб мне указывать? – вспылила Романтика. – Возьму и пойду, и ничего ты своей берданкой не сделаешь! В меня тогда стреляй!

– Значит, я тебя просто не пущу, – Скептик схватил ее за руку.

– Отпусти, – Романтика дернулась, но вдруг поняла, что совершенно этого не хочет.

Леня глядит на все это безобразие и ничего не понимает. «Как, – думает она, – они могут спокойно смеяться, разговаривать друг с другом, когда я предложила им такие перспективы! Неужели за такой короткий срок Огонёк со своей компанией сумел их покорить! Ой... Но что же делать мне?»

– Ну, вы, хватит ржать! – злобно заорала она, хотя уже никто не смеялся. – Слушайте сюда. Согласны вы меня и дальше признавать правительницей Сердца?

– Так ведь править – тоже работа! – крикнул кто-то сзади.

– Не нужны нам такие правители!.. Люди с голоду подымают!.. Терпели долго! Надоело! – зашумели со всех сторон.

– На фонарь таких правителей! – гаркнул кто-то шибко радикальный. Толпа зашумела еще больше, явно поддерживая. И неизвестно, чем бы все кончилось для Лени, если бы Юмор не крикнул:

– Веревка не выдержит!

Тогда перестали обвинять Лень и засмеялись. Не над ее весом, конечно, а над ее больными взглядами. Да и... над олухами, которые столько времени подчинялись этой болезни.

Юмор тем временем вынул из кармана чёрные очки, бросил их на землю и – хрясь! хрясь! – наступил ботинком. А потом стал разглядывать мелкие чёрные стёклышки...

– Пойдите, господа, – оживился вдруг Огонёк, – у нас же поединок не кончен. Мы выслушали только одну сторону.

– Да, Работа! Давайте сюда Работу! Авось она получше скажет!

– Огонёк, – взяла его за руку Романтика, – откуда вы с Работой пришли? Что у вас за дурацкое обращение «господа»? Нету господ никаких!

– Романтика, – Огонёк улыбался во весь рот, – честное слово, это неважно.

Работа между тем отделилась от стены, которую все время подпирала, и вышла на середину.

– Господа... или граждане, не помню, как вас тут. Из меня плохой оратор, и я предлагаю состязаться несколько иначе. Жизнь не сахар, все знают, да? И она непредсказуема. Вот взяли вы и оказались на новом месте – без денег, без документов, без... э-э-э... личностей, которые бы желали вас обслуживать. Значит... – Работа откашлялась. – Короче, я предлагаю: выделить нам с Ленью по квадратному метру, а вы глядите, кто из нас быстрее обустроится. Ну и... где понравится больше.

– Отличное решение! – захлопала в ладоши Романтика.

Огонёк схватил палку (благо их валялось, как и прочего сору, на каждом шагу) и принялся отчерчивать квадраты, вымеряя шагами.

– Кстати, – сказала Работа, обращаясь к своей сопернице, – у тебя будет еще один шанс, и ты сможешь его выиграть.

– Да иди ты!.. – огрызнулась Лень.

– Готово, – сказал Огонёк. – Значит, ваша задача – обустроиться с максимальным удобством за минимальный отрезок времени...

– А еще покруче ты фразу не мог составить? – поморщилась Вера.

– В следующий раз составлю – специально для тебя, – пообещал он.
– Ну что? Начинаем? Прошу, – за этим словом последовал такой распорядительный жест, что Вера прошипела: «В мой огород камушек, да?» – и показала Огоньку кулак.

– Да ладно вам, как дети малые, – проворчала Работа, проходя мимо. Остановилась у квадрата и принялась тереть левую бровь: это у нее было признаком думанья. Затем внезапно сорвалась с места и исчезла за оградой.

– Ой! Куда она! Там же Страх... – испугалось женское население.

– Да, кстати, чего это так темно? – осведомилась Лень.

– Да это же Страх, – ответила Романтика. – Упрямство вон в него палит, одолеть думает...

– А-а-а... А я все думала – чего это она как автомат, только патроны закладывает. В белый свет как в копеечку...

Упрямство стояла в отдалении, но все же в пределах слышимости. Она слышала весь трёп Лени, но считала, что с Ленью и без неё разберутся. А вот Страх... К Страху у неё были личные счеты. Не выносила Упрямство, когда ее ограничивали. А Страх спелся с Обидой-на-Весь-Свет, и вместе они подложили Упрямству ха-а-рошую свинью... Да и при всей своей грубости она любила Сердце и его жителей и хотела, чтоб было ясное небо над головами, а не гнетущая тьма... И характер... ох, уж если Упрямство за что-то взялась, дело чести – закончить любой ценой...

Между тем вернулась Работа, неся четыре больших палки, кучу мелких прутиков и солидный кусок коры. Воткнула палки по периметру, принялась вить веревку.

– Веселье, – сказала вдруг она, – а чего это за гробовая тишина? Я, знаешь ли, не кладбищенский сторож. А ну, вдарь нашу любимую!

Веселье порылась в карманах, вытащила что-то плоское. Дёрнула за верёвочку – с грохотом появилась гармошка. Привычным движением ухватившись за неё, Веселье тронула лады, а потом заиграла. Да куда там заиграла – рванула что есть духу! Ух, эх: заплясали каблуки и голые пятки. Ну, кто просто так отбивал. Работа постукивала ногой, мурлыкала под нос и продолжала заниматься своим делом. Вот она уже натянула готовую веревку несколько раз над вбитыми палками – получился каркас для навеса. Накидала сверху прутиков.

– А это на случай дождя, – сказала она и, стянув спецовочную куртку, набросила сверху. И снова убежала за ограду.

Веселье между тем прекратила играть. Её просили на бис, но она сказала, что хорошенького помаленьку.

Не танцевала только Лень. Она стояла, сложив руки, в полной растерянности. Лень совсем не умела «обустраиваться», хотя философией владела хорошо... И еще – её злила музыка, но внутри сидел маленький чёртик и подзуживал: а ну спляши, у тебя это выйдет. Лень отмахивалась от него и злилась еще больше.

Работа принесла охапку какой-то травы.

– Это вереск, – заявила она. – На нем мягче всего спать. Я его приметила, ещё когда сюда шли. И дерево поваленное – молния, наверное, – шелкнула она по палкам. – Сейчас еле нашла это место...

Бросила охапку в свой шалаш, взбила и завалилась на нее. И ногу на ногу закинула.

– Все, – говорит, – можно лежать и в потолок поплёвывать. По хорошему надо бы ещё еды добыть, но мы только что пообедали...

– Погоди, я хочу спросить, – сказала Мечта. – Вот это называется работать? Это же весело, интересно... Даже... даже незаметно, что надо было что-то делать...

– А Леня вас воспитала, что работа – это обязательно колхоз, – улыбнулась Работа.

Мечта смутилась.

– Но ведь всегда говорят, что работать – трудно...

– Трудно... – Работа ухмыльнулась; белые зубы и белая блузка с передником удивительно гармонировали со смуглой кожей. – Да, я трудная! – крикнула она и вылетела из шалаша как резиновый мячик. – Я трудная, вредная и ворчливая! Это правда. А что я нудная и монотонно капаю на мозги – нет. Меня такой делает Серость... – Работа странно изменилась в лице, как будто ей было больно. – И Скука. У вас же они были? Ну вот... Они кого хошь – хоть Любовь, хоть Мечту, хоть Веру – опошлят, всех красок лишат и такое сделают, что лучше б догола раздеть и через площадь прогнать – и то позору меньше. Чего уж про меня с Весельем говорить, – добавила она еле слышно. – Из нас давно уже марионеток сделали...

– И никто с ними справиться не может, – грустно добавила Веселье. – Только Негасимый Огонёк...

– Вот это да!! – раздался дружный вздох.

Вечернее прозрачное небо, облака играют в догоняшки. Ласковое солнце над горизонтом. Округа тонет в зелени, и замок – такой красивый, такой родной... И лица вокруг – тоже родные.

Это Страх убежал. Не выдержал натиска Упрямства. Да и то сказать – никто внимания не обращает... Убежал в подвал, мышкой обернулся. Сидит и плачет горячими слезами.

– Бедный я, несчастный, – всхлипывает он. – Никто меня не любит, сам не знаю, что хочу. И никто меня уже не боится... Уйти мне, что ли, отсюда? И правда, уйду – куда глаза глядят...

Мышонком выбрался Страх из подвала, проскользнул за ограду, обернулся собой и пошел, голову свеся.

Отошел уже на порядочное расстояние и вдруг слышит в кустах подозрительный шорох. Остановился.

Среди листьев мелькнули белокурые лохмы, и на дорогу выбралась Любовь.

– Ну и чего ты за мной увязалась? – тусклым голосом спросил Страх.

– Страх, – неуверенно спросила Любовь, – а ты уходишь от нас, да?

– А зачем я вам нужен? – фыркнул тот. – Меня тут толкают, обзывают, решето из меня делают...

– Ну, это пройдет, ты только не уходи. Нам тебя не хватать будет...

– Ой, ладно врать! Кому я тут нужен! – отвернулся Страх.

– Мне...

– У тебя Огонёк есть.

– Да, но мне всех надо! Ты не уходи, а... – Любовь подошла, обхватила ручонками морщинистое лицо Страх и заглянула в глаза. – Не надо. И не плачь.

– Никто меня не любит, никому я не нужен, – грустно, как побитая собака, сказал Страх. – А я... а я хороший. Я знаешь, чего умею делать? – вдруг оживился он. – Вот, гляди.

Он выудил из-за пазухи верёвку, привязал между двумя деревьями, лихо взобрался на неё и начал откалывать трюки: то бежит по ней, то на одной ноге крутится. На руках прошёлся...

– Вот это здорово! – захлопала в ладони Любовь. – А меня этому научишь?

– Я еще могу ходить над пропастью, бегать под пулями, усмирять разъярённых хищников, – продолжал Страх.

– И ты не боишься? – восхищенно спросила девочка. Глаза у нее засверкали зелёным огнем, а волосы – рыжим. И рот открылся.

– На то я и Страх, что меня все боятся, а я – никого, – усмехнулся Страх.

– Ну, я же тебя не боюсь, – ответила Любовь.

– Ты – статья особая, – вздохнул Страх. – А что, коли хочешь, я научу тебя всему, что сам умею. И будет тебе везде дорога, и будешь ты проходить все преграды – на земле, на небе ли, в море или в сердце человеческом. Потому что ты одна – королева по праву...

– Я не хочу быть королевой, – сморщилась Любовь. – Я хочу быть принцессой, это куда веселее.

Страх улыбнулся и почему-то совсем перестал быть страшным.

– Ну и будь ей. Про королев – это так, байки одни... – и он заёрзал на верёвке, усаживаясь поудобнее.

Вдруг Любовь почувствовала, что её кто-то обнимает за плечи. Вздвигнув от неожиданности, она развернулась... и уткнулась во что-то мягкое, зелёное и противное, от чего воняло водкой.

Это Тоска вышла погулять. Надоела Тоске ее зелёная башня прям до зелёных чёртиков. Иногда еще розовые слоны перед глазами плавали –

после бутылки-другой. А чего ещё делать-то, как не пить? Пробовала с Чёрным Омутром роман завести – не понравилось. От прежнего хозяина – Юмора – остались в башне какие-то книжки, Тоска на них поглядела, полистала да и бросила в угол. Вскоре они отсырели...

Вот и пьёт Тоска горькую с утра до вечера. А по ночам не спится ей – бессонница. Лежит Тоска и на звёзды любителю – койка её у самого окна стоит. И думает она: может, там, на далёких звёздах, есть другая жизнь... Яркая, наполненная до краев. А здесь... здесь всё не то и всё не так, как должно быть. Здесь жизнь неправильная.

Вконец измотали Тоску эти думы. Перессорилась со всей своей родней, забыла, когда последний раз воздухом свежим дышала. А тут сидит, значит, с очередного похмелья и вдруг слышит: наяривает кто-то на гармошке, да так лихо!.. Тоска сморщилась и застонала: мало того, что голову разносит, так ещё и зубы занули! А зубы у нее всегда ныли, едва она видела или слышала что-нибудь веселое.

Решила Тоска спуститься и посмотреть, в чем дело. Надо сказать, двигалась она со скоростью, приближённой к черепашьей, так что все уже разошлось успели. Кто-то её, правда, окликнул, но Тоска не отозвалась. Её почему-то вдруг потянуло пойти... пойти, куда ноги несут. И странное дело: вынесли они её к тому местечку, где Любовь и Страх болтали.

– ...Не надо меня обнимать! – вырвалась Любовь и отпрыгнула в сторону.

– Да ты, дура-девка, что о жизни знаешь? Тебе напел в уши этот старый болван, ты и поверила... А жизнь, она, – Тоска внезапно наклонилась к Любви и горячо зашептала, – она грубая и жестокая, у неё свои законы. И вся красота, всё, что в ней есть хорошего, – слишком быстро вянет и умирает. Смотри сюда! – Она выпрямилась и сорвала лист с ближайшего дерева. – Видишь? Он зелёный. Сейчас лето. Но будет осень – он пожелтеет, скукожится и упадет. Да, конечно, скажут, что он удобрит землю, что потом вырастут другие листья... Другие – да. Но не этот. Его уже не будет, – Тоска растерла лист в ладонях и выкинула.

– А кто знает, какая свежая сила текла по его жилам, как сверкали на солнце и гонялись друг за другом хлороформинки... Какие песни он пел на ветру – этого уже никто никогда не узнает, – задумчиво сказала Тоска и сплюнула.

Любовь хлопала глазами и молчала. Признаться, такое она слышала в первый раз...

– Ну, чё пудришь мозги девчонке? – проворчал сверху Страх. – Ты баба здоровая, чёрт с тобой... А ей зачем? Вырастет, успеет ещё... А сейчас в куклы играть только.

– Назвала я тебя болваном и не ошиблась, – сверкнула глазами Тоска. – Понимаешь ты, нет, что, если она только в куклы будет играть, из неё человека не вырастет!

– Ой, нахваталась ты всяких высоких материй... А они совершенно даже лишние...

– Ну, знаешь!.. – Тоска разозлилась не на шутку. – Высокие материи! Да мне на них начихать! Я даже книжки читать ненавижу, если хочешь знать. А всё, что я говорю, – это всё из жизни, из этой... – и она прибавила заборное словцо.

– Бесстыжая ты бабенция, – не унимался Страх. – Морда вся испитая, водчищей от тебя за версту несет...

– Тебе-то что? – дернулась та. – Целоваться ты, вроде, со мной не собираешься.

Страх почесал в затылке.

– А что. Надо подумать...

– Да прекратите вы или нет! – срывающимся голосом крикнула Любовь. Она стояла, прижав ладони к вискам, а глаза у нее были примерно с полтинник. – Это... это получается, мы все умрем? И я, и все, кто там, – она махнула в сторону замка, – и, говорят, за пределами нашего королевства тоже люди живут – они тоже все исчезнут?

– А куда они денутся, – усмехнулась Тоска. – Сдохнут как миленькие...

– Нет, потом снова оживут, – вмешался Страх. – И не будет бед и горестей. Хорошо будет...

– Хорошо? Всегда-всегда хорошо? – спросила Любовь. – Но ведь это... скучно.

– Да он бает – сам не знает, – прошипела Тоска. – Говорю тебе – перемрут все, как мухи, и точка!

Любовь замолчала и уставилась куда-то вдаль. Потом заговорила, ни к кому не обращаясь:

– Я уже умирала. Вернее, я думала, что я совсем умерла, но оказалось по-другому. Я не верю в смерть. Это неправда. Не может вот это всё: и поляна, и деревья, и вот это вдали, такое красивое и непонятное, – она вытянула руку в сторону горизонта, – и что мы все тут живем, такие разные, и мы то смеемся, то что-нибудь у нас не ладится – но вот это всё не может взять и пропасть.

– Много вас было таких... неверящих, – усмехнулась Тоска, но глаза у неё не смеялись. – Не верили, даже когда петля на шею накинута была... Да только чтоб умереть, веры в смерть не требуется. Вот. А все живут, и им на это наплевать. А я-то помню... Только и отрада, что напиться и забыться...

– А зачем забывать? – спросила Любовь.

– Ты... легко тебе говорить! У тебя не жизнь, а прогулка по цветущему лугу. А я пороху нанюхаться успела. В прямом и переносном смысле. На, любуйся! – и Тоска с силой рванула ворот платья. Показался рваный шрам, он шёл наискось от груди через живот.

Страх сначала вытянул голову, потом втянул её обратно и, наконец, ворчливо заметил:

– Это всяко не от пороху, а от холодного оружия – ну там кинжала или сабли какой. Если б тебе взрывным устройством брюхо разнесло, ты бы тут не болтала.

– Цыц, тыловая крыса! – огрызнулась Тоска, запахивая рваное платье. – Сам-то, поди, на печи отлеживался, как Емеля, а – туда же...

– Ну, не скажи! Я тоже, можно сказать, герой: меня сегодня целый день расстреливали, – возразил Страх и напустил на себя гордый вид. – Да вон у нее спроси, соврать не даст.

– Жаль, что не дострелили, – фыркнула Тоска и прислонилась к дереву.

– Мне Романтика и Упрямство рассказывали, конечно, как умирают, но там это по-другому было, – задумчиво сказала Любовь, теребя сорванную травинку.

– Геройски, что ли? – ответили ей язвительным вопросом. – Если б ты знала, какое на самом деле дерьмо – все эти ваши геройские смерти...

– Нет, не знаю! Не знаю! – с вызовом повернулась Любовь. – И знать не хочу! Но даже если и так... – она помолчала. – А вот я знаю штуку, которая даже смерть объегорит. Вот.

– Чего ты там еще придумала? – опасно спросил Страх.

– Ничего я не придумала, это было, есть и будет! Только я не знаю, как её назвать. И ещё... Тоска, ты не пей больше, ладно? Водка ничего решить не поможет, – Любовь подошла к ней вплотную.

– Да ты просто дурочка... – начала Тоска и вдруг осеклась. – Что это со мной? – вдруг воскликнула она. – Из меня что-то уходит... Я таю... – и она действительно начала обретать прозрачность. Болотно-зелёный цвет платья побледнел, поглубел, вот уже сквозь него просвечивает местность... Черты лица разгладились, ушла излишняя резкость, и лицо тоже стало расплываться, как отражение в ветреный день.

– Что это? Я делаюсь легче, свободнее, – прошелестела Тоска. – Я... я превращаюсь в Грусть, я поняла.

Страх хлопал глазами, рискуя свалиться с верёвки. А Любовь стояла и пристально вглядывалась в Грусть.

От нее уже остался тонкий, еле видный силуэт. Ещё видны брови, изогнувшиеся в удивлении. Но вот уже не видно ничего – лишь легкий шелест пронесся на месте, где только что стояла Грусть, и донеслось: «Я еще вернусь...»

Страх потер лоб, затем спрыгнул на землю и смотал верёвку. Спрятал её за пазуху.

– Слышишь, Любовь, – проговорил он, – пошли в замок.

Любовь молчала. Потом повернулась, поглядела по сторонам, на небо, на дорогу. Вздохнула и ответила:

– Пошли.

Лень медленно брела по Сердцу. Пинала камушки, что подворачивались под ноги, а один раз даже схватила булыжник и швырнула его в кусты. С обиженным чириканьем оттуда выпорхнула стайка щеглов.

– Ну, вы, паршивцы, – погрозила Лень кулаком вслед улетевшим пичугам. – Кажется, всем уже на меня наплевать, никому нет дела до бывшей правительницы...

Она запрокинула голову, глядя в небо. Там плясали облака и летали бабочки. «Эх, мне бы крылья, как у птицы... А еще лучше – птицей стать. Я бы слопала всех этих бабочек, а потом полетела – куда глаза глядят, куда ноги... тьфу, крылья несут. Улететь бы в страну, где реки молочные с берегами кисельными... И где вишни сами в рот падают – только рот пошире разинь...»

Замечталась Лень... Аж глаза от удовольствия закрыла. Но тут какая-то бабочка пролетела слишком близко, крыльями по лицу задела. Лень очнулась, выругалась. И разревелась вдруг – ужасно! Развернулась в сторону замка и давай сыпать проклятиями. Душу отвела, успокоилась, наконец.

– В общем, – сказала Лень самой себе, – я ещё посмотрю, на сколько их хватит и как Сердце их выдержит, а сейчас меня интересует только одно: где бы найти приличную лежанку?!

Неизвестно, из чего она соорудила себе ложе. Не иначе из вереска, по примеру Работы. Ну да хватит уж церемониться с Ленью – никто о ней не горевал в замке. Там и без неё неплохо.

– ...Почемучка! Ну почему ты такой вредный! – воскликнула Веселье и даже руками всплеснула от возмущения.

– Я – вредный? – заморгал тот. – Покой вообще сказал, что таких, как я, расстреливать надо...

– Кто?

– Да Покой. Я всего-то и спросил, давно ль он так лежит и не скучно ли ему. А он раскашлялся, руками машет и кричит, что, мол, ваша братия жить мешает и её надо к стенке...

– Глупость какая-то...

- Да он что, идиот полный или частично? – возмутилась Вера. – Это как же жить, вопросов не задавая?
- Живут же... – грустно улыбнулся Почемучка. И тут же непонятно с чего разозлился. – А какой, скажем, толк с этих вопросов? Ничего они всё равно не меняют... И с меня какой толк?
- Ну, ты это брось! От каждого есть толк, если только он на печи не прозябает...
- Слыхал я уже это сто раз! Это всё размазня, как по тарелке каша! А ты мне конкретно скажи, какой прок вот от этого, – он пнул валявшийся камушек, – от этого, – он показал на сломанную ограду, – и от этого! – ткнул себя в грудь указательным пальцем.
- Ну, ограда – чтобы я на ней сидела, – сказала Вера и тут же это продемонстрировала.
- А камушек затем, – подхватила Веселье, – чтобы я швырнула его в тебя и ты понял, что последний вопрос никому не задают, кроме себя!
- Ай! Больно же... – Почемучка схватился за левое плечо.
- За одного битого трех небитых дают, и то не берут, – пропела Веселье.
- Так! А теперь я бы очень хотела знать, что здесь творится за бедлам! – раздался трубный глас. Глашатай был не в духе – это сразу стало ясно.
- Совесть! – ахнула Мечта.
- Да, я Совесть! Что, не ждали? Напоили меня какой-то дрянью, так что в отключке валялась незнамо сколько! Хорошо жить, когда совесть без задних ног дрыхнет, я не спорю...
- Так хорошо, что лучше быть не может, – пробормотал Скептик.
- Нравится такая житуха? Сердце в какой-то бардачный дом превратилось! Проходимцев набилось – яблоку негде упасть! Поди, еще подрались тут – то-то, гляжу, все перевязанные...
- Да, а повязки-то, наверное, можно снимать? – спросила Романтика и принялась разматывать бинт с руки.
- Конечно! – откликнулась Вера. – Их давно уже можно было снять, я просто забыла про это...
- И все принялись сдергивать бинты и отдирать пластыри.
- Ой, смотрите, – воскликнула Мечта, – на мне даже платье затянулось! Тут дыру прожгло, а сейчас снова ткань целая...
- Это как так? – удивился Юмор.
- Вера ухмыльнулась:
- Я еще и не то умею...
- Хватит зубы заговаривать! – вконец обозлился стражник. – Вы мне отвечайте четко и толково, что вы тут натворить успели и как вы дальше

жить собираетесь! – Совесть все больше накалялась, как электрическая лампочка.

Все молчали, переглядываясь. Пока сзади кто-то не проворчал: «Нет, братва, так дело не пойдет», – и вперед вышел Негасимый Огонёк, засунув руки в карманы.

– Ты вот, Совесть, вылезла из спячки, как медведь, и шумишь, не разобравшись. А если бы ты знала, какая отборная гвардия здесь набилась, и как ее лупили в хвост и в гриву – ты бы по-другому разговаривала.

– Мы же Лень победили! – крикнула Мечта.

– Унынию по шее дали!.. Обида-на-Весь-Свет сдохла!.. Чёрный Омут изжили!.. Серость смылась как мыльная пена!.. Покой убежал!.. – со всех сторон зашумели, загомонили... Каждому почему-то хотелось, чтоб именно его услышала Совесть. И потому невольно думалось – а что я-то сделал там-то и там-то, и вообще что-нибудь сделал хорошего?

А Совесть стояла, вслушивалась в этот шум, и на губах у неё проступала растерянная улыбка.

– Вот вы какие, – наконец медленно проговорила она. – А я совсем ничего не помню... Ровно провалилась куда-то после той чарки...

– Тебе Лень чего-то подмешала, – сказала Романтика. – Мне Надежда говорила – она слышала, как Лень хвасталась Чёрному...

– Хм... Однако... Однако неплохо у вас получилось, в итоге-то! – рассмеялась Совесть. Но быстро став серьезной, спросила: – Только вот зачем вам стражник, который валялся в пыльном чулане? Получается, я и не нужна вроде?..

– Вроде Володи, под вид Кузьмы! – резко перебил Огонёк. – Ты это брось такие сказки! Здесь ничего ещё не кончено, и, чтобы всякая гадость не мешала спокойно жить, ты нужна.

– Спокойно жить? – переспросила Совесть. – Вы ж вроде сказали, что Покой убежал.

– Не придирайся к словам! – вспылил собеседник. – Покой ушел – и шут с ним! Но есть вещи, которые мешают не покою, а *нормальной жизни!* Чтобы их не было, и нужен стражник – почему я должен тебе это объяснять, как малолетке!

– Нормальная жизнь? Огонёк, ты не мог бы уточнить, что это такое? – язвительно спросил Скептик.

– Могу, – улыбнулся Огонек. – Это как раз всё то, что не нормально.

– А что, – внезапно улыбнулся и Скептик, – мне такое определение нравится.

– Значит, я могу быть дальше стражником? – задумчиво спросила Совесть.

– Не можешь, а должна, – откликнулась Романтика.

– Ага. А я вам скажу, что завтра с утра мы начнем этот колхоз в человеческий вид приводить, – прорезался голос Работы. – Мне на него и смотреть противно, но сейчас уже поздно...

– Значит, завтра с утра пораньше? – вздохнула Мечта.

– А ты думала, мы будем на твои прелести любоваться? – ворчливо сказала Работа. – Красива ты, спору нет, да с лица воды не напьёшься, а подолом не укроешься... Да ты не бойся, – она обняла Мечту за плечи и, увлекая в сторону, зашептала, – ты будешь придумывать, а я буду делать. Я не умею фантазировать, проектировать – я могу делать что-то конкретное. А ты вся соткана из воображения, но с реальностью связи слабоватые... Вот увидишь, в одной упряжке мы завезём воз туда, куда и Макар телят не гонял! – засмеялась она.

Засмеялась и Мечта... Потом спросила:

– Работа, ты кого-нибудь любишь?

Та прищурилась:

– К чему это подобные вопросыки?..

– Ну... просто интересно. Ты вот вся такая практичная, упрямая – наверное, должна влюбиться в какого-нибудь романтика. Противоположности ведь притягиваются.

– Притягиваются... – вздохнула Работа. – У меня жениха Скука увела.

– Как это?

– А вот так. Взяла и свихнула мозги набекрень. И без нее-то он Дурак был, а сейчас и вовсе...

– Дурак? – удивилась Мечта. – А зачем тебе Дурак-то?

– Во-первых, стара, как мир, фраза: любовь зла, полюбишь – известно кого. А потом... а чем вообще плох Дурак? Вот вы все: Дурак, Дурак, мол, ногтя не стоит... А он возьмет и чего-нибудь... такое сделает, вы ахнете. А я буду женой гения! – с шутливой гордостью сказала Работа. – Только вот, – помрачнела она, – он теперь на меня и смотреть не хочет... Скука, вишь ты, яркая женщина, цветастый полшалочек... А я... – она оглядела свой заляпанный костюм и рукой махнула, – да что тут говорить!

– Да он точно дурак! – возмутилась Мечта. – Я видела Скуку – гроша она ломаного не стоит! Ни рожей, ни характером.

– Гроша... А она не за гроши, она бесплатно. Это за меня гроши и грошики швыряют, как собачке подачку под стол...

– Отбей! У тебя получится! – уверенно сказала Мечта.

– А чего ж ты не отбиваешь? – указала Работа глазами на Огонька.

– Я не умею... и не хочу! На чужом разбитом корыте себе хором не выстроишь. Но у тебя же совершенно другое!

– Что, коли Скука, так у нее разбитого корыта быть не может? – усмехнулась Работа. – Мне на Скуку плевать, но тянуть на аркане – это

баржу по реке хорошо. Тьфу, да о чем я, и там паршиво! Ну вот видишь... С практикой арканной тяги я хорошо знакома и скажу, что видала я ее в гробу, а на этом гробу пусть танцуют...

На другом конце двора тоже болтали о любви.

– Ты не представляешь, как я по нему соскучилась уже! – говорила Вера, уютно устроившись под сенью красной башни. – Вроде я и ушла-то не так давно, и мне нравится по новым местам бродить...

– И обязательно опять чего-нибудь не поделите, – язвительно вставила Веселье.

– Ой, не говори! – махнула рукой Вера. – Он такой вредный! И въедливый – к чему прицепится, так уж не отстанет, пока до глубинки не докопается.

– И что ты в нем нашла только? – вздохнула Веселье. – Как вспомню этого типа – в этом дурацком клетчатом костюме, в очках, с шарфом и вечной трубкой в зубах! Кошмар!

– Да, с трубкой, – нимало не смутившись, ответила Вера. – Правда, может, он и бросит курить – мне табак вреден, как и всем беременным.

– Че-го? – у Веселья челюсть отвисла. – Уж не хочешь ли ты сказать...

Вера только засмеялась в ответ.

– Да у вас же детей вообще быть не может! Я до сих пор помню, как на свадьбе вперемешку с «Горько!» орали: бездетный брак!

– Знаешь, мрачных пророков я уважаю. А вот на каркуш и кликуш я плевать хотела.

– Так чё ж ты молчала, зараза! – крикнула Веселье и кинулась обнимать подругу. – Но... постой, как тебя Разум вообще отпустил? Тебе ж нельзя сейчас путешествовать и вообще... по заборам лазить...

– Это кто сказал, кто-то умный? – спросила Вера. – Так передай, что он умный, но не разумный. Бедные наши дети, – вздохнула она и засмеялась.

– Это ещё почему?

Ответить Вера не успела, потому что красная башня ни с того ни с сего заходила ходуном, в ней что-то загрохотало, зазвенело, завопило и завизжало, как будто это была не башня, а мешок, набитый поросятами.

На полной скорости оттуда вылетела Дурь, как всегда лохматая. На шее у неё болтался медный таз вверх дном на веревочке, она лупила по нему какой-то железякой. На ноги Дурь зачем-то привязала по обломанному кирпичу, на каждом шагу подпрыгивала и потрясала ими.

– Але – гоп! – завопила она и прошлась колесом. Таз свалился с нее и покатился по двору, издавая звон сродни набату.

- Что ты шум поднимаешь! – напустилась на неё Совесть. – Прекрати немедленно!
- С добрым утром! – вылупила глаза Дурь. – А ты ещё что за командир?
- Я, между прочим, страж порядка... – начала Совесть, но её перебили:
- Так если ты страж, тебе показать это надо? Пovyступить?
- Это говорил Юмор. Странно, но оборванная и чумазая до невозможности Дурь была похожа на Любовь...
- Если в стране нужен порядок, так и подурачиться уже нельзя? Может, шутки скоро запрещены будут, и фокусы, и трюки? Так это мне сразу надо удочки сматывать...
- Послушай, – возразила Совесть, – но ведь есть же разница между доброй шуткой и дуракавалянием, от которого нету толку!
- Доброй, говоришь... – ухмыльнулся Юмор. – А шутка не обязана всегда быть доброй! Порой нужна злая шутка. Тебе такая не по нутру?
- Нет, почему же, – спокойно ответила та. – Но ведь это, – кивнула она на Дурь, которая пыталась влезть на ближайший подоконник, громогласно вереща при этом, – это не шутка, а... просто дурость, совершенно никому не нужная! Зачем на подобное тратить время?
- Не нужно... тратить время... – Юмор наморщил лоб, будто ловил за хвост какую-то мысль. – Но ведь... но нельзя же всё оценивать только по критерию «нужно – не нужно»... погоди! – сорвался он с места.
- А к Дури уже подошла Веселье и спрашивает:
- Послушай, как тебя зовут?
- Меня – Дурь! – крикнула Дурь, яростно блеснув глазами.
- Дурь?.. Но разве не обидно так зваться?
- Обидно? – на минутку она задумалась. – Нет, нисколько! – Дурь резко взмахнула головой, так что волосы стали походить на копну сена. Тут она спрыгнула с подоконника и налетела на Юмора.
- Вот же смерч в юбке, – пробормотал он. – Ты... ты акробатка, что ли?
- А что это значит? – спросила Дурь.
- Это когда всякие трюки делают: прыгают, лазают, колесом ходят, к примеру, как ты сейчас.
- Так чё, я акробатка? – озадаченно спросила Дурь. – Это, а там стучат и гремят еще, да?
- И вопят, – добавил, еле сдерживая улыбку Юмор. – Всё-таки, зачем тебе это?
- Ну... – Дурь почесала в затылке. Подобных вопросов ей никто не задавал. Её либо гнали взащей и лупили, либо носили на руках, дрались на

дуэлях и ловили каждое её слово, лексикон коих был весьма убогим. – Ну... Мне так нравится, короче.

– А как, по-твоему, другим нравится? – спросила Веселье.

– А мне какое дело!

– Понимаешь... Конечно, никто не говорит, что любое выступление должно всем нравиться, но... это должно быть чем-то связным, смысл иметь какой-то. И... и не всегда можно балдеть! Вдруг кто-то устал или голова разболелась...

– Чего? – растерянно спросила Дурь. – Первый раз слышу.

– Что, у тебя голова за всю жизнь не болела? – резко спросила Веселье.

– Болела, только я плевать на неё хотела, – ответила Дурь с вызовом.

– Да ты что такая вредная-то! – не выдержал Юмор. – Я тоже далеко не сахар, но даже для меня это слишком...

– Знаешь, тебе надо было идти в цирковые артисты, – сказала Веселье, – у тебя бы получилось. Или куда-нибудь в бродячий балаганчик. У меня там есть хорошие знакомые... Могу тебя устроить, если захочешь.

– Что, вдвоём воспитываете одного и воспитать не можете? – спросил подошедший Скептик. – А ты-то не поддаёшься воспитанию, правда? – подмигнул он Дури.

А Дурь стояла с раскрытым ртом и что-то лихорадочно соображала. Но стоявшие вокруг мешали ей это делать, и в следующую минуту она сорвалась с места и убежала в свою башню – для того, чтобы через слуховое окошко вылезти на крышу и усесться там. И думать – наверное, первый раз в жизни... И еще умудриться при этом болтать ногами.

А внизу народ непонятно почему сконцентрировался у подножия красной башенки. Может, как раз потому, что она такая яркая, зажигающая – говорят же, что и пчела на красный цветок летит.

– Да-а-а, – протянула Вера, – чудесное у вас королевство, спору нет. Да только надолго мы не задержимся. Вот поможем порядок навести – и айда...

И правда, – откликнулась Веселье, – дел-то у каждого невпроворот... Но вы не думайте, мы по себе память хорошую оставим... – и она начала разглаживать складки на своём цветном лоскутном платье.

– Память! – фыркнула Работа. – На кой чёрт мне память! Я жить хочу здесь и сейчас. Мне тут вообще понравилось. Хорошо здесь... – она привольно вздохнула и запрокинула голову. – И я хочу заниматься тут чем-нибудь интересным, а не чтоб обо мне была всякая дурацкая память, как по мертвой...

– Не может быть память дурацкой!

– Так ты что, здесь насовсем остаться хочешь?

Это одновременно воскликнули Вера и Мечта. И сразу же после них спросил Скептик:

– Почему тебе так не нравится память, даже о мертвых? Ты тоже когда-то умрешь, но от тебя что-то останется – по-моему, это совсем не плохо.

– Я помру? – Работа глянула на Скептика и захохотала. – Ой, умора! Так вот, граждане дорогие, заявляю вам, что я помру не раньше, чем в день конца света. Да и... – она насмешливо оглядела окружающих, – вы, пожалуй, тоже.

– Так я в это и поверил, – проворчал Скептик.

– Так ты что, и правда, здесь насовсем останешься? – спросила Романтика.

– Этого я не говорила...

– Эй, Огонёк, – окликнул Почемучка, – и ты тоже, поди, смоешься, да?

И все почему-то на Огонька заглядывались. А тот смутился и нахмурился – страсть как не любил подобных вещей. А потом ответил:

– У меня бродяжничество в крови. Не могу на одном месте сидеть, как бы хорошо не было. Мне это хуже каторги. Но я не забываю мест, где был, бывает, и возвращаюсь...

– Или тебя не забывают, – тихо сказала Мечта.

Огонёк поглядел на нее и засмеялся.

– Дурачье! Сказал же: возвращаюсь. И сюда вернусь – дайте только срок...

– Люди добрые, видали вы такое: сам на срок напрашивается! – захохотала Упрямство.

Ее поддержали, и Огонёк смеялся громче всех. Не смеялась только Любовь. Она слушала, как он смеется, глядела на его профиль, на то, как резким движением убрал со лба волосы, – и глаза у нее наполнились слезами, как яма водою в дождь.

– Мы больше никогда не увидимся, – еле слышно проговорила Любовь

Огонёк услышал, и смех ему будто выключили. Развернулся к ней, на одно колено опустился, чтоб в росте сравняться. За плечи обнял, и наплевать ему, сколько народу на них глазет.

– Любовь... Ну, что ты, успокойся... Я тебя видеть такой не могу – ты ж того гляди рассыплешься... Послушай, Любовь... – Огонёк отвернулся. – Чёрт, не умею я любовных слов говорить! Ну что нам делать, а? – спросил он у Любви. А та глядела на него, и в глазах у нее двоилось, троилось, плясало и переворачивалось. От слез, которые почему-то не желали капать.

– Просто ты уйдёшь, а я останусь. Нет, я не держу тебя, но... мы никогда не встретимся.

– Кто это там никогда не встретится? – прозвучал от ворот чей-то знакомый голос.

Все обернулись.

– Надежда!! – со всех сторон понеслись восклицания. Пришедшую обступили кольцом и наперебой здоровались. Ещё бы, не она – так бы и торчали в королевстве Лень да Обида, Чёрный Омут да Скука. Так бы и сидели каждый в своей норе, как суслики зимой. Да и то сказать – без Надежды жизнь... что-то уж совсем несладкая.

Только Любовь с Огоньком остались в сторонке. Огонёк медленно поднялся, отряхнул от земли штанину и зачем-то нахмурился.

Подошла к ним Надежда. Обняла Любовь и говорит Огоньку лукаво:

– Не зря мне, видать, почудилось, что именно ты Любовь разбудишь!.. Так, а с какой стати вы, дурни, расставаться собрались? Или я ослышалась – старая стала... – усмехнулась она, тряхнув седыми волосами.

– Ничего ты не ослышалась, – проворчал Огонёк, – Просто, что нам ещё остается делать, если я не могу оседло жить – и её с собой взять я тоже не могу... Она ещё маленькая и вообще...

– Ну, ты же не сейчас уходишь, верно? – спросила Надежда. – И не завтра с утра пораньше. Так кто вас сейчас-то разлучает?.. А что потом будет – увидим. Наперед знать не интересно.

Любовь в упор посмотрела на Надежду, затем сорвалась с места, схватила Огонька за руки и закружила, крича что-то несурзное.

– Маленькая... Не гляди, что маленькая! Вырастет! – крикнула Надежда.

– Он вырастет, станет известным,

Покинет пенаты свои.

Окажется улица тесной

Для этой огромной любви...

Это говорил Скептик. И говорил, глядя на Романтику. Надо сказать, что толпа вокруг них мигом рассосалась: выдерживать вторую подряд любовную сцену, да еще ту, что завел Великий Скептик, – увольте, это было слишком.

– Дошел я до ручки, – сказал Скептик и опустил голову. – В лирику ударился. Какой из меня теперь скептик...

– На всех перекрестках планеты

Напишет он имя её...

– задумчиво глядя куда-то в горизонт, продолжила Романтика.

- Да, я напишу твоё имя на всех перекрестках нашего Сердца, – просто сказал Скептик, подходя и обнимая ее.
- А я внизу подпишу: Скептик! Чтобы уже никто не смеялся, – добавила Романтика, счастливо мурлыкая.
- Да какое нам дело, если кто и будет смеяться? – возмутился тот.
- Ага, ага, а что ж мы тогда, как дураки, друг от дружки бегали?
- Ну... – Скептик попытался сделать глубокомысленную мину, но это ему не удалось.
- Слушай, Романтика, – сказал он через некоторое время, – я вот думал...
- Индюк тоже думал, – засмеялась она и отбежала в сторону. Стоит и смеется, а ветер треплет розовое платье.
- Я серьёзно, а ты...
- А я несерьёзная! Твоей серьёзности на двоих хватит и еще на пол-Сердца останется, а я ей не была и не буду! Лови, не догонишь! – и Романтика побежала. А Скептик... побросал всё свое оружие, кое-как стянул кольчугу (ох и грохоту было, когда он швырнул её на кучу железного хлама!) и побежал за Романтикой. Но маленький кинжал при нём таки остался: с таким народом держи ухо востро!..
- В общем, они побежали гоняться друг за дружкой, а вслед им пролетели и шмякнулись, издав очередное грохотанье, два кирпича. Это Дурь, наконец, отвязала их с ног и с улюлюканьем швырнула вслед убежавшей парочке. Те, конечно, даже не заметили, а кирпичи умудрились приземлиться аккуратно на брошенную кольчугу Скептика.
- Что ты будешь делать, никакого покоя нет, – проворчал Юмор.
- Какой покой! Ты о чем! – засмеялся Огонёк (он шел рядом с Юмором, а в серединке, держа их за руки, пристроилась Любовь). – Эх, у нас такая здравая песенка есть про Покой... – и он до того задорно пропел пару куплетов, что все трое захохотали.
- Слушай, Огонёк, – спросил Юмор, отсмеявшись, – это все хорошо, только... Покой нет – а что есть? И... что нам вообще делать?
- Это ты меня спрашиваешь? – пожал плечами тот.
- А кого?!
- Вот это здрасьте! Я чего – справочная энциклопедия? Я и сам не знаю...
- Ну, должна же быть у людей цель какая-то...
- Цель... – Огонёк улыбнулся и задрал голову. – Наверное, она скоро появится...
- Она, что, с неба падает? – поинтересовалась Любовь.
- Да, цель – это же комета. Хвостатая такая, носится среди звезд...
- Любовь тоже глянула вверх и вдруг закричала на весь замок:
- Ой, смотрите, какой закат алючий!

Вырвалась вперед, побежала и взгромозилась на ограду. Стоит, покачивается.

Мальчишки переглянулись и тоже за ней полезли. И ахнули.

Закат, и правда, алучий – другого слова не подберешь. Уж так привольно развалился он на горизонте, словно у себя дома на диване. И вроде ухмыляется со своего ложа: дескать, вот я какой красивый. Любуйтесь на меня. А на него и впрямь любят. Слышали, как Любовь кричала, – глотка у нее звонкая.

Небо над головами прозрачное-прозрачное. Будто его и вовсе нет или потрогать можно, руку в него окунув. Но недолго это длилось – вот оно уже густеет, темнеет, закат гаснет...

– Он сейчас исчезнет, – тихо вздохнула Мечта.

– Зато звёзды появятся, – ответила Надежда.

И впрямь – то тут, то там завспыхивали, заискрились звёзды. А среди звёзд...

– Глядите! Вон она! Ну, я же говорил! – Огонёк даже заприпльсывал, рискуя свалиться с ограды. – Вот она, комета-цель!

По небу неслась с шипом и свистом, волоча за собой длиннющий хвост и плюясь огнем, громадная комета. Цветом она вроде красная, но то на ней бегают какие-то синие искорки, то хвост заиграет зелёным или жёлтым, как у хорошего павлина.

– ...Но как же её достать?! – воскликнула Упрямство.

– А знаете, что я вам скажу, – медленно проговорил Огонёк, – гоняться за ней даже интереснее, чем поймать и засунуть в мешок...

Ночь. Темнота и тишина над королевством Сердце. Кое-где мышонком шуршит ветер. Устало за день королевство, спит оно.

Да не все в нём спят. На верхушке сторожевой башни Совести Любовь и Негасимый Огонек сидят на самом краешке и болтают ногами. Ещё раздобыли где-то мешок сушёных вишен, ягоды уплетают, а косточками плюются: кто дальше. Говорят о чем, молчат ли – неважно

Сидят, значит, оба рыжие. А оно хоть и ночь, да все равно светло – от луны ли, звёзд, костров ли далеко в степи. Не сводит глаз с двух рыжих голов на вышке Мечта. Лежит, оперевшись на локти, и думает. О Чёрном. Об Огоньке. О том, что ей делать дальше. О Сердце и обо всей жизни, такой странной и непонятной, но при всём том в ней хороша даже неразделённая любовь.

Вот уж кому точно не до сна, так это Скептику с Романтикой. Надоело играть в прятки, стали играть в догоняшки. Устали. Ну ничего, на свете игр еще много... Правда, характер у них не меняется ни на йоту: оба такие же вредные. Разве что Скептик чуточку, самую малую чуточку стал меньше ворчать. Просто затем, чтобы его ворчание не игнорировали:

знаем, мол, чего оно стоит. А Романтика... ох, нет поблизости зеркал, а то бы она не поверила, что может быть такой красивой...

Не спит и Совесть. Выспалась она, все бока отлежала. Теперь ходит по королевству и глядит: везде ли порядок? Там вот надо фонарь навесить, чтоб в яму никто не свалился (ещё лучше и вовсе её засыпать), а тут за кустами кто-то плачет... Чья это всё забота? Ясное дело – стражника.

Вот Почемучка спит. Лежит на спине, раскинув руки и ноги, ещё и улыбается во сне. А снится ему, что он на корабле юнгой. Почемучка давно мечтает о море – стать юнгой и объездить... ну, не весь мир, но половину точно. И вот сейчас ему снятся надутые до отказа паруса, стёртые канаты хлещут по ветру, а капитан кричит: «Девятый вал! Все по местам! Юнга, так держать!»

Юмор тоже спит, он свернулся калачиком. Ему снится, что он качает Любовь на качелях. Качели такие расписные, Любовь взлетает все выше и выше и так при этом счастливо смеется... И вот, когда качели уже готовы набрать самый высокий оборот, – он вскакивает рядом с Любовью, и они вместе ухают в неведомую глубину...

Без задних ног дрыхнет Упрямство. Ей вроде и сны-то даже не снятся. Но вот откуда-то вылезает рожа Страх и ухмыляется. Упрямство стреляет в него в упор – раз, другой, третий – бесполезно. В отчаянье она хватается револьвер за ствол и швыряет рукояткой в лицо Страху – и он почему-то делается растерянным, отступает, пропадает...

Вера во сне похожа на девчонку, но загадочная полуулыбка-полуусмешка выдает в ней женщину. А видится ей Разум – сидит он на камушке рядом с глубокой ямой, кругом валяются кирка, лопата, потрёпанная тетрадка, ещё какие-то инструменты... Разум сидит на камушке, смотрит вдаль и не спеша курит, пуская колечки. И мерещится ему вдали Верина усмешка...

А вот Веселье, когда спит, совсем на себя не похожа. Потому что, когда она не спит, она ни минуты не сидит на месте и любит побалаганить. А сейчас лицо у нее спокойное, и спит она без сновидений. Да так крепко, что разбудить раньше времени её может только полк барабанщиков или ведро холодной воды под бок.

Хотя лучше всех спится, конечно, Работе. Стара пословица: поработаешь до поту – так и поешь в охоту. Можно добавить: и поспишь так, как никогда не спится Лени на всех её перинах. Вся закавыка в том, что без Работы Скука одолевает. А кто под её власть попал – тот форменным дураком сделался. Кстати, Дурак сейчас тоже спит – под чужим забором. Выселили его из дома за неуплату...

Спит и Страх. Во сне он разметался, раскинулся свободно, чего с ним никогда не бывает в бодром состоянии: вечно крючится да по углам прячется. И вовсе не от стариковского ревматизма и не из-за светобоязни,

в чем его как-то обвинили... А снятся Страху совсем не кошмары, а такие легкие да радужные сны, что и не всякому ребенку приснятся.

Дурь видит какой-то фантастический сон: громадная арена, куча людей, зачем-то прыгающих прямо по креслам, а по арене бегают медный таз и повторяет считалочку: «Разик, двазик, третий тазик, а четвертый – безобразик». Потом снимают купол, сверху спускается рояль, Дурь тут же вскакивает на него и начинает плясать на клавишах, горляня при этом какую-то жалостливую песню. Из рояля вылезает морда медведя, затем он вылезает полностью; Дурь садится на него, и вот у медведя вырастают крылья и он летит вверх – сквозь проем в крыше, и дальше, дальше... И деревья машут им ветками: «Счастливого пути!..»

А вот Надежда спала, спала, да что-то её разбудило. Как будто холодком повеяло откуда. Глаза протерла, видит – это Грусть. Её ни с того ни с сего кошмары замучили. И видятся, и слышатся, и чуть ли уже не руки тянут – полонить бедную и увести в свое царство. Ну, со всех сторон обступили. Куда деваться?.. Надежда на это ответила парой фраз, да таких, что Грусть расхохоталась. После этого они уселись рядышком и проговорили полночи.

Под открытым небом ночует Лень. Странно, но сон от нее бежит. Лень лежит, закинув руки за голову, пытается считать звёзды, но то и дело бросает это занятие и думает: ну почему же она всё-таки проиграла? Почему распался такой крепкий союз четырех и не спасли даже родственные узы? А какие-то оборванцы, шайка-лейка, разношёрстная компания... Обидно! Но всё-таки – почему?.. Может, у них нашлось что-то такое, чего ни у кого из наших не было? Что? Вот мне бы такую штуку!.. Ворочается Лень с боку на бок и думает. Пусть подумает. Говорят, иногда полезно.

Безмятежно спит Покой. От хорошей жизни всегда хорошо спится. Это у кого передряги какие-нибудь, так и не уснешь, простыни мигмом жгучими делаются, как на углях лежишь. А у Покоя хорошая жизнь. Ушел он из Сердца, где все дико, непонятно, взбудоражено... И правильно сделал. Не созданы они друг для друга – Покой и Сердце. Не ужиться им. Пускай лучше Покой где-нибудь в другом месте свою хорошую жизнь строит.

А про остальных, что из Сердца сбежали, и говорить-то не хочется. Оставили они по себе худую славу да дурную память – и ничего больше.

А Сердце спит. Пускай спит. У него завтра новый день.